

Учитель! Слово-то какое!

Завтра, дорогой читатель, твой сын, твою дочь пойдут учиться. Если это семилетний мальчик, он впервые с радостным трепетом переступит порог школы. Его встретит учитель, ласково возьмет детскую ручонку в свою ладонь и поведет ребенка в далекий и заманчивый путь — к науке, к знаниям.

Промчатся годы. Много сот раз обойдут свой круг стрелки часов, стремительно отсчитывая время, приближающее нас к коммунизму. Из дверей школы выйдет старый учитель. Он подожмет руку на плечо твоего сына — уже юноши, с едва пробивающимися пушиком будущих усов — и скажет ему:

— Счастливого пути, дорогой друг! Вся жизнь перед тобой. Помни, чему мы учили тебя в школе. Помни, чему учат тебя великие наши учителя — Ленин и Сталин!

«Учитель! Слово-то какое!.. Учитель! Легко сказать! В нашей стране, где учится каждый ребенок, учитель — это первый человек». Так говорили об учителях коммунистическо-коммунисты Шульга в Вальке из «Молодой гвардии» А. Фадеева.

Советский учитель выполняет высокую и благородную миссию. «Государству», народ, — говорил М. И. Калинин, — доверяют учителям детей, т. е. людей в таком возрасте, когда на них легче всего оказывать влияние, доверяют им воспитание, развитие, формирование молодого поколения, т. е. свою надежду и свое будущее».

В нашей стране создана огромная армия в миллион десятков тысяч учителей. Эта армия находится в авангарде борьбы за коммунизм, так как вся система народного образования служит у нас высшему делу воспитания нового человека — активного строителя коммунистического общества.

Трудится наш учитель в обстановке исключительной заботы о нем советского государства. И во время войны правительство не забывало об учителях. После войны, в 1948 году, установлен был ряд новых льгот и поощрений для учителей — повышенные ставки заработной платы, награды за выслугу лет, высокая пенсия. Ленинский завет — «народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе» — социалистическая наша страна выполняет с честью.

Мы любим нашего учителя, мы заботимся о нем, потому что мы не только не боимся просвещения народа, а стремимся к тому, чтобы буквально каждый гражданин нашей страны был культурным и образованным. В труновской Америке боится культуры, боится учителя. «Учитель под судом!» — так называлась публикация в недавно в американской газете «Дейли Компас» серия статей — эпизодов из трагедии американского учителя.

По решению инспектора школ Уильяма Янсена перед судом в Нью-Йорке не так давно предстало восемь учителей с общим педагогическим стажем в 163 года. Какое преступление совершили они? Эти учителя, оказывается, — активные деятели своего профсоюза. Они осмелились поднять голос против расовой и национальной дискриминации в школах Нью-Йорка и за повышение мизерного заработка учителя. В «свободных» Соединенных Штатах Америки этому вполне достаточно, чтобы послать споро, честно, опытного педагога на скамью подсудимых.

В советском государстве к голосу учителя всегда прислушиваются с вниманием и любовью. В эти дни по стране прошли традиционные августовские учительские совещания. По-хозяйски, открыто и смело выступали на этих совещаниях учителя, критикуют недостатки своих руководителей, подкапывая то новое, чего они достигли в своем педагогическом труде. А самые лучшие — передовые педагоги школ РСФСР — собирались недавно на специальное совещание в столице.

Мы любим нашего учителя. И эта любовь — не умозрительная, а действительная, активная. Она требует прежде всего создания атмосферы полнейшей общественной нетерпимости к каждому, даже самому ничтожному факту неведения, неуважения, равнодушия к педагогу. Десятки тысяч молодых учителей впервые в этом году научат преподавать в школах. Как их у нас встретят? Позаботились ли о квартире для них, о драках, о свете? Как строятся жилые дома для учителей, преуспевающих специалистов постановлением правительства? Что сделано, чтобы учитель сам учился дальше, повышал свою квалификацию? Есть ли у вас в районе Дом учителя? Устраиваются ли у вас дни учителя — с хорошими лекциями, концертами, спектаклями, с продажей книжных новинок?

Позаботиться обо всем этом — долг каждого советского человека. А министерства просвещения и Академия педагогических наук обязаны с первых дней учебного года помогать учителю оттачивать, шлифовать, совершенствовать свою работу по обучению и воспитанию детей.

Завтра в школах нашей страны начинается новый учебный год. Пусть же он будет годом новых больших достижений, новых серьезных успехов партии Ленина — Сталина и нашего славного советского учителя в просвещении и коммунистическом воспитании молодого поколения!

К ПЯТНАДЦАТИЛЕТИЮ СТАХАНОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Там, где зарождалась стахановская слава

Линия паровых молотов... Линия падающих молотов... Длинный ряд коловальных машин, стоящих вперемежку с нагревательными печами. Это кузня Горьковского автомобильного завода. На паровом молоте, — он и поныне стоит в кузне, — в 1935 году был установлен рекорд ковки ступиц и карданных валов, рекорд, который начал стахановское движение в машиностроении. Шли годы, и от отдельных рекордов стахановцы-автомобилестроители перешли к планомерной высокопроизводительной работе.

На одной из коловальных машин работали два кузнеца — сменщик Елизар Куратов и Андрей Загорный.

Елизар Васильевич Куратов пришел на автозавод в самом начале строительства, когда здесь была лишь голая степь да болота. Он был тут первым котельником, учителем кузнечному делу, постепенно становился опытным рабочим, пока не стал кузнецом первого класса.

Елизар Куратов подхватил и развил почин, сделанный Бусыгиным. Бусыгин добивался производственных успехов главным образом путем более рациональной расстановки сил своей бригады. Елизар Куратов пошел дальше: он изменил технологическую сторону дела, перестроил систему загрузки нагревательных печей. Его первый рекорд мирового времени отмечен датой — 17 ноября 1945 года. В этот день ему удалось отковать 810 фланцев трубы кардана вместо 310 по норме.

Простые машины после загрузки заготовок в два окна печи по технологии, внедренной Куратовым, сократились в несколько раз. Елизар Васильевич превратил свою коловальную машину в «самоход», который у него не останавливается при передаче заготовки из одного штампа в другой. 1946 год принес ему всенародное признание. Правительство удостоило его Сталинской премии.

Достижениями Бусыгина был ознаменован первый этап стахановского движения, этого непреодолимого движения современности. Елизар Куратов стал образцовым советским стахановцем наших первых послевоенных лет. С ним всегда соревновался его сменщик Андрей Загорный. То Куратов шел вперед, то Загорный обгонял Елизара Васильевича.

— Я работаю по методу Куратова, — сказал на одном собрании Загорный. — Обещаю, что добьюсь еще больших показателей и буду быть Куратово его же собственным методом.

— Мне только того и надо, чтобы все кузнецы меня «облачили» мое же методом, — тогда ответил Елизар Куратов.

И Андрей Загорный принялся вводить свои новшества. Он пошел дальше Куратова в изменении технологии. Его бригада начала работать не на одной, а на двух нагревательных печах. Загружали теперь заготовки не два, а четыре окна. И, несомненно, простоту, неизбежную при прежней технологии, они теперь ликвидировали вовсе.

Всенародная слава пришла и к Андрею Загорному. В марте нынешнего года ему тоже была присвоена высокая награда — звание лауреата Сталинской премии.

В дни предшествующие 15-летию годовщины стахановского движения, в кузнице Горьковского автозавода развернулось социалистическое соревнование, посвященное этой знаменательной дате. Два кузнеца, два большевика, два друга Елизара Куратова и Андрей Загорный — в числе соревнующихся и добивающихся новых производственных успехов. А вместе с ними десятки других кузнецов — талантливых новаторов, имена которых также войдут в историю советского рабочего класса.

М. ГОРЯИНОВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 76 (2667)

Четверг, 31 августа 1950 г.

Цена 40 коп.

Борис ГОРБАТОВ

Встреча в Кремле

Еще немного, может быть, мгновение — и он увидит Сталина... Это мгновение настало даже скорее, чем он бы хотел: Андрей еще не был готов к нему. Но если бы даже целый день прождал он здесь, в приемной, ожидая встречи, он все равно бы не успел подготовиться к ней: к этому подготовиться нельзя.

В его волнении не было, однако, и тени страха. То новое и неизвестное чувство, которое испытывал сейчас Андрей, он затруднился бы передать словами. Скорей всего это было сознание незащищенности вдруг выпавшего на его долю счастья, которое теперь никакими подлогами не окупить, не отработать...

— Прощу же! — во второй раз сказал секретарь, приоткрывая дверь кабинета.

Сталин шел по кабинету навстречу Андрею медлительной, неторопливой походкой. В его левой руке, полуогнутой в локте, дымилась трубка. Правую он держал перед собой, словно приветствуя гостя.

А Андрей, войдя, все стоял на месте, будто прирос к полу. Потом вдруг спохватился и быстро сделал несколько шагов навстречу Сталину. Они сошлись на середине кабинета.

Разумеется, Сталин отлично понимал, что творится сейчас в душе шахтера, удаляясь его волнение. И другой человек, не столь великий, не столь чуткий, не Сталин, чтобы оборотить Андрея, стал бы превратно-ласково улыбаясь ему, хлопнул бы плечом, а может быть, даже и обнял бы шахтера по-свойски, за плечи и уткнул бы за щеку к стому, — и тем, вероятно, еще больше смугил и встретил его, окончательно выйдя бы из колеи.

Сталин же просто протянул Андрею руку: протянул почти без улыбки, так, словно они не в первый раз встречаются, словно Андрей тут запросто бывает каждый день, и ничего необыкновенного нет в том, что он пришел сюда сегодня.

— Здравствуйте, товарищ Воронько! — сказал Сталин негромко и добродушно.

И Андрей обрадованно и бережно пожал протянутую ему руку. В эту минуту почувствовал он, что вместе с ним руку Сталинажимают и Дед, и Прокопий Максимович, и Дед, и дядя Онисим, и Митя Загорюк, и Даша, и все коммунисты, все шахтеры, все люди «Крутой Марии». Это от их имени он, Андрей Воронько, партийный секретарь «Марии», пожал руку генеральному секретарю партии большевиков. Это от их имени он здесь, у Сталина. Он — только их делегат. Это не ошибка; здесь, в этом кабинете, он — на законном основании.

И он успокоился.

Только теперь он увидел, что стоит в большом, показавшемся ему пустынным, кабинете светлого дерева. И Сталин смотрит на него ласково и с любопытством, с тем добрым любопытством, какое бывает только у того, кто сам любит людей. И Андрей доверчиво и без робости посмотрел Сталину прямо в лицо.

Дорогое, знакомое лицо. Оно и похоже, и не похоже на портреты; оно и старшее, и младшее; и доброе, еще добрее, чем на портретах; роднее, проще, любимее... Сталин смотрит на него с любопытством, но вопроса ни торчит, давая ему осмыслить; они попрежнему еще стоят посреди кабинета.

И тогда Андрей сам смело начал беседу. Он спросил о том, о чем первым делом спросил бы на его месте дядя Прокоп, и дядя Онисим, и Сергей Очеретин, и всякий советский человек, все, кто любит Сталина и, не задумываясь, отдадут жизнь за него. Он спросил:

— Как ваше здоровье, Иосиф Виссарионович? — его голос дрогнул искренним волнением, и Сталин это услышал:

— Хорошо, — тогда же ответил он. — Очень хорошо. Спасибо. А ваше? — и, получив ответ, плавающим, неторопливым движением руки показал Андрею на вресло у стола.

— Курить можно, — улыбнувшись, прибавил он, когда Андрей сел, и пододвинул гостю открытую коробку папирос. Андрей взял папиросу, но закурить забыл и стал мять ее между пальцами...

— Вы первый раз в Москве? — спросил Сталин, раскуривая трубку.

— Впервые.

— Понравилась Москва?

— О! — только и мог воскликнуть Андрей.

— А приняли вас в Москве хорошо?

— Даже сверх ожидания, Иосиф Виссарионович!

— Отчего же «сверх ожидания»? — улыбнулся Сталин. — У вас в Москве шахтеров уважают...

— Мы это никогда не забудем, товарищ Сталин... — твердо ответил Андрей.

Сталин уже раскурив трубку и, заткнувшись дымом, сел, — но не за стол, а в кресло напротив Андрея.

— Я приглашил вас, товарищ Воронько, — сказал он, наклоняясь к собеседнику, — чтобы кое о чем поговорить с вами.

— Со мной? — невольно переспросил Андрей, которого в первую секунду слово «поговорить» почти уяснуло.

— Именно с вами. Ведь вы же один из лучивателей стахановского движения. А стахановцы — это люди новые, особенные...

«Да что ж я могу посоветовать вам, мудрейшему из людей? — чуть не закричал Андрей. — Да... я же сам еще, как в потемках. Я ж и парторганиз-то молодой, без году неделя... Он умоляюще посмотрел на Сталина. — Ах, господи

Пятнадцать лет тому назад возникло стахановское движение.

Мы публикуем отрывок из нового романа Б. Горбатова, посвященный встрече героя романа — одного из зачинателей стахановского движения с товарищем Сталиным.

боже мой, какая ошибка вышла! Не того человека позвали к Сталину! Да отправьте же вы меня прочь отсюда, не теряйте своего дорогого времени, прошу я вас...

Сталин снисходительно взглянул на волнением своего гостя. Потом еще ближе наклонился к нему.

— Расскажите, пожалуйста, — попросил он, — как родилось это замечательное движение у вас в шахте. Вся историю рекорда...

Андрей облегченно вздохнул.

— Это я могу, — охотно, даже с радостью сказал он. — Это — пожалуйста... Ему показалось, что это и в самом деле будет легко. Он только затруднился, с чего начать и как все высказать покороче.

Сталин терпеливо ждал.

— А это вот как было... — невозможно спотыкался, начал Андрей. — Это с того дня, что стало забойщикам в уступках тесно. — Но он тут же остановился, усомнившись: а знает ли товарищ Сталин, что такое «ступы»? Может быть, это надо объяснить? Он подумал немного и решил, что Сталин все знает.

Он стал рассказывать дальше, как родилось тогда идея сломать старую систему, а труд — разделить, и эту идею поддержала партийная организация шахты; но для пробы дали только одну лаву, и на рекорд пошел товарищ Абросимов, Виктор Федорович, поскольку он самый сильный забойщик на шахте, и как за час до упряжки узнали они о рекорде товарища Стаханова, и это еще больше сил прибавило, и явилось желание перебить рекорд Стаханова, что и было сделано товарищем Абросимовым, а затем и многими другими шахтерами «Крутой Марии»...

— В том числе и мною, — застенчившись, прибавил Андрей. — Но не на много...

Сталин слушал его очень внимательно, словно каждое слово Андрея было для него драгоценно, и за каждым словом он видел больше и дальше, чем сам рассказчик. Но когда Андрей кончил, он медленно покачал головой, и Андрей увидел, что Сталин его рассказом доволен.

— Все! — упавшим голосом прошептал шахтер.

— Все? — усмехнувшись, переспросил Сталин и опять покачал головой, — укоризненно, как показалось Андрею. — Отчего вы мне всей правды не рассказываете, товарищ Воронько? — вдруг с магичным упреком спросил Сталин. — Не доверяете?

У Андрея перехватило дыхание, он растерянно посмотрел на Иосифа Виссарионовича и замялся собственными речами. — Да в чем же я обманул вас, товарищ Сталин? Да разве это возможно? Да что вы? — почти с обидой мысленно спросил он Сталина.

— Отчего вы не рассказываете мне, например, — спросил Сталин, — что ваше предложение работать по-новому встретило яростное сопротивление администрации шахты? Ведь это было?

— Было...

— А секретарь горкома партии... Как его имя? Рудин? Так он даже объявлял вас вредителем, а рекорд Абросимова — очкопартрестом. Было это?

— Но мы Рудина уже того... уже прогнали, — с неожиданной для себя решительностью сказал Андрей.

— И правильно сделали, — кивнул головой Сталин. — Его лицо, впервые за всю беседу, стало жестким. — Давно пора от Рудина, — этих болтунов... барчуков... неучей... глать со всех поров! — сказал он брезгливо. — Давно пора! Заметьте, что и в этом стахановское движение помогло партии. Но ведь не только Рудина стояли на вашем пути. Разве не было у вас противников и среди самих рабочих?

— Как не было, — быль... — тихо согласился Андрей.

— Вот видите. Были и такие, которые боялись, как бы стахановские нововведения не ударил по их зарплатку. Так?

— Так...

— А у вас на шахте, говорят, даже такой десятник нашлся, который, когда ставил рекорд, вывел из строя воздушную магистраль...

— А вы и это знаете? — удивился Андрей и покраснел...

— Как видите, — невольно улыбнулся Сталин. — Отчего ж вы мне сразу не рассказали этого, товарищ Воронько?

В этом деле, отчего не рассказал? Отчего решил, что в этот высокий кабинет можно идти только с победными сообщениями. Зачем расхвалился? А в этом кабинете хвастаться нельзя. Тут правды хотят, всей правды. Вот и выходит: обмануть у товарища Сталина, обмануть...

Теперь он сидел подавленный и притиснутый. И Сталин заметил это.

— Ну, партийный секретарь, — весело сказал он, — понимаете вы теперь, что эти отдельные факты означают? Как руководитель, — понимаете?

— Я еще руководитель молодой, — прошептал Андрей, растерявшись от той значительности, с которой это слово,

обращенное к нему, прозвучало в устах Сталина.

— Все равно — руководитель! Сталин встал и сделал несколько шагов по ковру. Потом опять совсем близко подошел к Андрею.

— Вот что означают эти факты, товарищ Воронько, — сказал он. — Родилось стахановское движение, а вместе с ним сразу же явились и его противники, его враги. Так всегда бывает. Старое всегда становится на пути нового. Новое всегда побеждает только в борьбе со старым. — Он посмотрел на притихшего Андрея и прищурился. — Вот вы и расскажите мне подробно о противниках стахановского движения. Кто они? Кто за ними стоит? Каковы их реальные связи? Что еще мешает движению? Какие меры помощи надо принять?

Он уже больше не садился. То хожя по кабинету легкими, несмышными шагами, то останавливаясь вдруг, чтобы задать новый вопрос или выслушать ответ.

Андрей старался теперь высказать все: прежде чем ответить, он всматривался в свое лицо и в свою память. С ним словно чудо произошло: он стал зорче видеть! И то, что прежде казалось ему случайным, незначительным, простого внимания недостойным и мимо чего он, бывало, с досадой проходил, — вдруг приобрело сейчас, освещенное новым светом, свое значение и свой смысл.

Сталин, видимо, был доволен его ответами.

— Вот! А вы говорите — молодой руководитель! — вдруг весело воскликнул он, останавливаясь перед Андреем. — А послушайте, — большой государственный человек!

— Что вы, Иосиф Виссарионович! — застенчиво обрадованный, однако, Андрей. — Небось, Стаханов тоже не считал себя государственным человеком, когда шел на рекорд? — засмеялся Сталин. — Небось, и вы тоже только о своей «Крутой Марии» думали?

— Ну, да... — улыбнулся Андрей.

— А получите всенародное движение. И не случайно! Совершенно. Достаточно было слыхи. Ведь вы и сами забойщик? — неожиданно спросил Сталин.

— Да...

— Какое имеете образование?

— Всего семь классов...

— Всего семь классов! — улыбнувшись, повторил Сталин. — Вряд ли до революции можно было найти кого-то одного шахтера с семиклассным образованием. Вы отбойным молотком работаете?

— Да... отбойным...

— Ну и как инструмент? Хорош?

— Ничего не скажешь — подходящий инструмент...

— А не устарел ли уже отбойный молоток?

— Что вы, Иосиф Виссарионович! — удивился Андрей. — Только недавно ввели и освоили...

— Ну, что ж! Предположим! — смеясь, согласился Сталин. — Все-таки не обшук...

— И сравнивать нельзя! — воскликнул Андрей. — Техника!

— А как у вас врубочки работают? — У нас врубочки нет... Они больше на пологих пластах...

— Ну, и как они на пологих пластах работают?

— Не знаю... не в курсе... — смутившись, признался Андрей.

— Напрасно не знаете, — сказал Сталин. — Вы человек партийный, вы всем интересоваться должны.

— Я теперь узнаю, — торопливо сказал Андрей. — И напишу вам.

— Напишите? — прищурился Сталин. — Ну-ну, смотрите, не обманывать! Буду ждать письма! — и он шуточно погрозил ему трубкой.

— непременно напишу вам... — повторил Андрей.

— И не только о врубочках. Вообще о механизации горных работ. Мы здесь, в Центральном Комитете, этим особенно интересуемся. Именно механизация, новая техника, вместе с другими факторами и поможет нам ликвидировать вековую противоположность между физическим и умственным трудом и притяг к коммунизму. Как вы думаете, товарищ Воронько, — спросил он вдруг, и в его глазах блеснула веселая искорка, — правды ли с вами к коммунизму?

— В этом весь наш рабочий класс твердо уверен! — взволнованно ответил Андрей.

— И я так думаю: придем! — улыбнулся Сталин. — Надо только, чтобы все люди в нашей стране работали по-стахановски...

— По-стахановски... — чуть слышно сказал Андрей.

Но Сталин, видимо, его не расслышал. Полуобернувшись к окну, он зачем-то поставил трубку и несколько мгновений задумчиво смотрел на кремлевские стены, казавшиеся, ослепленные звездой наморозе.

Андрей поднялся с кресла. Он считал, что пора уходить, и в то же время уходило не хотелось. Драгоценной была каждая минута, проведенная здесь, у Сталина: этих минут теперь Андрей на всю жизнь хвятил!

— Спасибо вам, Иосиф Виссарионович! — негромко и от всей души сказал он. Сталин обернулся, подошел к Андрею.

— Это вам — спасибо! — тепло сказал он и протянул руку.

— Про письмо не забудьте! — весело напомнил Сталин, когда Андрей уже пошел к двери. — Буду ждать!

Письмо с острова пыток

Обращение узников Макронисоса
ко всему цивилизованному миру

Мы, профессора университетов, писатели, журналисты, артисты и художники, находящиеся в концлагере, обращаемся:

к людям умственного труда нашей страны и всего мира; к парламенту, к премьер-министру и министру иностранных дел, к министру просвещения; к афинской академии, к университетам Афин и Салоник, к союзу писателей Афин, к союзу редакторов ежедневных газет, к союзу драматургов, к союзу редакторов периодической печати, к союзу греческих артистов, к союзу греческих музыкантов и ко всегреческому музыкальному обществу; к Организации Объединенных Наций, в частности, к ЮНЕСКО, к иностранным академиям и университетам, к организациям писателей, журналистов, художников, артистов, и наконец, ко всем людям земного шара, в душе которых не угасло пламя гуманизма.

На сухом, безводном, лишенном растительности острове смерти и страданий, над которым с безжалостной яростью дуют ветры, мы находимся уже в течение одного, двух, а некоторые и трех лет. Мы живем в палатках, которые никогда не использовались как человеческое жилье, а лишь в качестве временных складов для военных материалов. Зимой они не могут защитить нас от холода, ветров и дождей, летом — от страшной жары.

Эти серые камеры страдания и ужасная пища — причина того, что большинство сильных больных туберкулезом или страдают желудочно-сердечными болезнями. До сотни доходит число людей, сошедших с ума, причем некоторые из них еще находятся в здравом уме. Скоро начнется пора муссонов, — они здесь душат с дьявольской силой, — а вместе с ними придут и новые страдания — от жажды. В такие дни ветер сносит палатки и наполяет пылью наши легкие. Ничтожное количество воды раздается каждому из нас по строгому счету. О такой сжадав с ума жажде могут рассказать разве только потерпевшие кораблекрушение. Таковы условия нашей жизни, и бывают минуты, когда мы обращаемся в наших мечтах на тысячи лет назад, завидуя людям, жившим в пещерах.

Но и этого всего палачам нашим кажется недостаточным! Прошлой осенью, по приказу тогдашнего правительства, нас перевели в специальный концлагерь «перевоспитания гражданских лиц».

О том, каковы были методы этого «перевоспитания», от которых не спасает даже глубокие старки, сейчас известно уже во всем мире. Мучения и пытки, каким нас подвергали здесь, будут, как кошмар, преследовать нас всю жизнь. Люди после одного дня «перевоспитания» превращались в инвалидов с переломанными позвонками, разбитыми головами, поломанными ребрами, руками, ногами; зачастую они теряли рассудок. Большинство из нас, подписавших обращение, сами пережили все эти пытки, сами испытали изнуряющие каторжные работы, когда на одну тысячу невинных людей, в том числе ученых, писателей, артистов, насильно заставляли перетаскивать с места на место тяжелые гибы, бегом взбираясь на гору, а за малейшее промедление или неповиновение подвергали избиванию до потери сознания.

И этот чудовищный метод «перевоспитания» власти пытаются прилагать к нам, чтобы рекламировать по радио, объявляя его «высоким примером цивилизации», а Макронисос — «великой школой нации», «национальным университетом» и даже... Парфеноном.

Накануне выборов, происходивших недавно в Греции, нынешнее правление нашей страны обещало, что, взяв власть в свои руки, они уничтожат эту каторгу смерти, само существование которой ложится позорным пятном на Грецию. С тех пор прошло несколько месяцев, а мы попрежнему продолжаем оставаться здесь. Более того, прекращение даже практиковавшихся ранее перевод тяжелых больных в госпитали: палачи боятся того, что из госпиталей просочатся сведения о тех ужасах, какие они же творят «за голубым занавесом» концлагеря.

После того, как кровавая эпопея Макронисоса вызвала возмущение всей международной общественности, правительство объявило, что охрана нашего лагеря будет передана из рук греческого гестапо — афалини — в руки жандармерии. Как будто смена палачей может спасти нас от верной смерти! Правительство заявило также, что нас переведут на другой остров. Как будто перемена места пыток и мучений сможет изменить что-либо в нашей судьбе!

Ужасные испытания, которые нам пришлось пережить, подвергали навсегда наше здоровье. Не проходит дня, чтобы у кого-нибудь не пошла горлом кровь, не случился сердечный приступок. Для каждого, кто останется в заключении здесь или на другом острове, это будет означать медленную и верную смерть!

А как у вас врубочки работают? — У нас врубочки нет... Они больше на пологих пластах... Ну, и как они на пологих пластах работают? — Не знаю... не в курсе... — смутившись, признался Андрей.

— Напрасно не знаете, — сказал Сталин. — Вы человек партийный, вы всем интересоваться должны.

— Я теперь узнаю, — торопливо сказал Андрей. — И напишу вам.

— Напишите? — прищурился Сталин. — Ну-ну, смотрите, не обманывать! Буду ждать письма! — и он шуточно погрозил ему трубкой.

— непременно напишу вам... — повторил Андрей.

— И не только о врубочках. Вообще о механизации горных работ. Мы здесь, в Центральном Комитете, этим особенно интересуемся. Именно механизация, новая техника, вместе с другими факторами и поможет нам ликвидировать вековую противоположность между физическим и умственным трудом и притяг к коммунизму. Как вы думаете, товарищ Воронько, — спросил он вдруг, и в его глазах блеснула веселая искорка, — правды ли с вами к коммунизму?

— В этом весь наш рабочий класс твердо уверен! — взволнованно ответил Андрей.

— И я так думаю: придем! — улыбнулся Сталин. — Надо только, чтобы все люди в

1.

В ту августовскую ночь 1935 года, когда на шахте Центральная-Ирмино в Донбассе безвестный в то время шахтер Александр Стаханов добыл за смену 102 тонны угля, было положено начало необычному в мире содружеству советских людей, названному стахановским движением.

Отличительное на протяжении года, и вы обнаружите, как в практике сотен и сотен выдающихся новаторов видоизменяется, принимало все более и более совершенные формы стремление повысить производительность труда. От первых успехов ударничества, какими прославились бетонщики на строительстве Днепростроя и землекопы Магнитостроя, советские люди пришли к трудовым подвигам, совершенным на основании точного проникновения во все тайны ремесла.

Ежегодно с той августовской ночи, когда родилось стахановское движение, в различных отраслях народного хозяйства появляются новые люди, опробывающие нормы, узаконенные в учебных, изобретательских и производственных условиях. В годы войны я знавал Егора Агаркова — рабочего-сварщика. Этот молодой, энергичный и вдохновенный человек сумел так реорганизовать систему сварки корпуса танка, что к нему на завод приезжали перенять опыт инженеры и технологи с других предприятий. Генрих Бортыцкий, Александр Чухляк, Николай Россейский, Людмила Коробельникова, Петр Занка, уральский сталевар, создавший линейные счета экономии сырья и материалов, — их сотни и тысячи новаторов-стахановцев, умевших осмыслить, обобщить и развить свой опыт.

Два года назад на Московском аэродроме я встретился с одним из таких людей — с Илларионом Янкиным. Так же, как Агаркова, я знавал Иллариона Янкина в годы войны, знал я его и в предвоенные годы, когда на шахте Красноармейская в городе Красноуральске (в те времена и шахта была новой и горюд был новым) он начинал свой путь новатора, зачинателя метода многоперфораторного бурения. Метод Иллариона Янкина дал ему, рядовому буряльщику, возможность поставить невиданный рекорд: за одну смену он выполнил задание на 475 процентов! Человеку достиг этого трудовой энергии, продуманности расчета, давшим ему возможность одновременно работать на восьми перфораторах.

В тот год, когда я вновь встретился с Илларионом Янкиным на аэродроме, он закончил горный институт, защитил дипломный проект с оценкой «отлично» и получил назначение на пост директора Пышминского рудоуправления. Мне довелось тогда лететь с ним на Урал, и я писал в «Литературной газете» о том, как бывший уральский шахтер, приехавший в 1934 году на рудник из колхоза, стал руководителем большого предприятия.

2.

Недавно я вновь отправился в Пышму... Что произошло за минувшие два года на руднике, которым руководит бывший буряльщик?

В далеком 1918 году Владимир Ильич Ленин писал: «Слухи, разумеется, не надежны, а долгие месяцы и годы, чтобы новый общественный класс, и притом класс доселе угнетенный, задавленный нуждой и темнотой, мог освоиться с новым положением, осмотреться, наладить свою работу, выдвинуть своих организаторов». Эти месяцы и годы прошли. Предварительная работа давно выполнена. В предверии коммунизма все чаще видим мы, как люди физического труда овладевают глубокими знаниями; сотни тысяч простых людей, людей из народа стали у нас директорами заводов, начальниками строительства, учеными, генералами, литераторами.

Илларион Янкин был рабочим советской формации. Он никогда не знал тяжести капиталистической эксплуатации, никогда не знал нужды. С юных лет

в его сознании труд означал не только средство существования, а и смысл существования. И кроме того (это — главное) по всему складу своего характера он был новатором, творческим человеком.

Позднее, когда Янкин полностью овладел мастерством буряльщика, он узнал о выдающихся достижениях кривоугольного шахтера Семиволода. Молодой буряльщик не успокоился до тех пор, пока рудничный начальство не послало его в Кировой Рог. Работая в кривоугольной шахте вместе с Семиволодом, молодой буряльщик на практике убедился, что можно значительно повысить производительность труда, если хорошо подготовит рабочее место, если продуктивно использовать все рабочее время. Но для того чтобы перенести опыт Семиволода на уральские шахты, недостаточно было одной практической методики — у железной и медной руды совершенно разный характер. Вопрос нужно было решать технологически, по инженерии. Илларион Янкин добился успеха — создал свой метод многоперфораторного бурения.

Теперь, когда я снова приехал в Пышму, я увидел Иллариона Янкина за работой уже в качестве директора.

3.

Принимая на себя руководство Пышминским рудником, Илларион Янкин дал горнякам ряд обещаний.

Сдержал ли новый директор свои обещания? Это был первый вопрос, на который я хотел получить ответ, когда теперь приехал на Пышминский рудник.

Да, все обещания были выполнены. Янкин добился того, что Кыштынский завод исправил недостатки своих машин: я не успевал на руднике ни одного худого слова о перфораторах. Позаболели Янкин и о том, чтобы бесперебойно работали компрессоры. Раньше редко выпадал случай, чтобы буряльщик, приехав к месту работы, не нашел бы каких-либо неполадок. Теперь в большинстве случаев он мог бурить все время, проводимое в шахте. И каждый рабочий на руднике знал, что, если ему не подготовят вовремя рабочее место, он пойдет к директору, и тот его поддержит.

Кроме того, дотошно, не жалея ни времени, ни сил, Янкин самозанят занимался всеми вопросами, возникавшими перед рудничными командами. Развертывается на руднике жилищное строительство, — директор обязательно побывает на всех строительных площадках; заменяет какие-нибудь неполадки в автотранспортном хозяйстве, — шоферы и механики часто видят директора у себя в гараже; обогащательную фабрику Илларион Янкин изучил так досконально, что сейчас сам знает не хуже специалистов. Они сами с гордостью за Янкина признались мне в этом, не забыв упомянуть, что агрегаты фабрики выдают сейчас на 25 процентов больше продукции, чем раньше.

Вспоминая о первых днях своего директорства, Илларион Янкин говорил мне: — Иногда бывало так трудно, ну, просто, как Алексею Ковшову. Помните такого в романе Агеева?

Но он умел преодолевать трудности и учил этому искусство своих людей.

Представитель ОТК пришел с жалобой, что прохода нового шурфа в шахте ведется впустую. Там нет руды. Он обнаружил это по плану.

— Дорогой товарищ, а на разрез вы смотрите? — спросил его Янкин.

Нет, на разрез он не смотрел. И Янкин не только поправил представителя ОТК, он тут же сделал интересный вывод, имеющий для горняка важное воспитательное значение: в горном деле нужно уметь мыслить не планиметрически, а стереометрически.

Так же приходилось новому директору поправлять маршедера, старшего экономиста. Янкин умел возместить недостаток директорского опыта руководства теоретическими и чисто практическими знаниями. На примере его директорства можно

было наблюдать уничтожение разрыва между теорией и практикой.

При мне, например, произошла такая сцена в шахте. В одном из забоев молодой буряльщик работал на тахометре перфораторе, крепко ухватившись за его рукоятки. Янкин остановил буряльщика и, волею выключив машину, сказал ему: — Зачем держите перфоратор? У него есть автоматическая подача бура. Не держите автомат? — Доверять-то доверяю, но так оно вернее, — ответил буряльщик.

— О том, как вращения машины воздействует на нервную систему, понятие имеется? Ну, так вот, поверьте моему опыту, как только чуткою забурился, отпускайте рукоятки. Автомат и без вас точно продолжит работу, а вы беретесь здоровее. Поняли?

И другой случай вспоминается мне, когда я думаю о сочетании теоретических и практических знаний Янкина.

Отдел капитального строительства рудника производил кирпич для рудничных нужд. Производительность труда на этом подобном предприятии была низкой. Узнав об этом, Янкин возмущался: — Куда это годится! У вас приходит из человека по сто штук кирпича, а колхозники кустарным способом делают не меньше трехсот. Я сам делал!

Вот эти слова «я сам» были наиболее убедительными.

4.

Много лет работал в Пышме первоклассный буряльщик Михаил Барсуков. Еще до того как Илларион Янкин получил назначение на пост директора, Барсуков пытался применить янкинский метод. Но освоить многоперфораторное бурение без помощи смежного начальства, руководителей шахты невозможно. А добиться поддержки Барсуков не сумел.

Новому директору не нужно было доказывать преимущества нового метода — он был его создателем. Нового директора не приходилось склонять к новшествам — он сам был новатором.

И буряльщик Барсуков, а с ним и многие другие получили возможность полностью развернуть свои производственные способности. Применять янкинский метод Барсуков начал постепенно: сначала как следует освоил работу на двух перфораторах, потом на трех. В один из дней предельного соревнования он выступил на собрании партгруппы и заявил, что берет и освоит четыре машины.

До прихода Янкина Барсуков выполнял нормы не больше чем на 130—140 процентов. Теперь его производительность труда поднялась до 400, а в отдельные дни до 500 процентов. При этом Барсуков не только сам выполнял нормы, но находил время передавать свой опыт другим.

В результате, на руднике нет сейчас буряльщика, который работал бы на одном перфораторе, если имеются производственные возможности применить несколько машин. И за два года, что директорствует на Пышме Илларион Янкин, производительность рудника по всем показателям выросла на 20—25 процентов.

Сейчас бо́льшая часть рабочих Пышминского рудника с каждым днем увеличивает: на шахты приходят молодые рабочие, окончившие ремесленные училища. С деревенскими сумочками и фанерными баулами приходят на рудник молодые и здоровые юноши. В казенных мушкетерах, которые они еще не успели знать, они появляются на территории рудника, на улицах поселка, в просторных и светлых рудничных общежитиях. Сюда они пришли с прочными, обширными, но школьными знаниями. Здесь, на руднике, они узнают самое главное — как в практической работе совершенствовать знания, как повысить производительность труда.

То, что сейчас директорствует на Пышме бывший буряльщик, стахановец, новатор, инженер Илларион Янкин, — лучшая гарантия, что молодые люди добьются на своем поприще полного успеха.

ПЫШМА, Свердловской области

Раздумье над чертежной доской

Резинка — мелочь на первый взгляд — участвует в создании проекта высотного здания, сложной машины. «Ластик — друг конструктора» — есть такая шутилка поговаривают, а вот этого друга, настоящего, хорошего, найти трудно.

Продаются такие резинки, что они не чистят, не стирают, а только жмут; стеклянных ластиков нет и в помине. Карандаши встречаются с нестерпимой маркировкой. Покупаешь мягкий, он оказывается жестким или наоборот. Часто в мягком карандаше попадает жесткое включение, которое рвет бумагу.

Еще хуже качество лежал и угольников. Видно, они выпускаются какими-то артелями, в которых всепопавшая улыбка премиями заменяет проверку ОТК. Никакого контроля за точностью, никакого стандарта! Продаются деревянные угольники толщиной в четыре миллиметра, с заусенцами; с непрямыми и нечеткими делениями; кривые, поворобоченные угольники из пластмассы. Транспортные делаются из тонкой жести; они быстро гнутся и облезают.

Передо мной две рейсины: одна сделана в Павлово-Посадской артели «Упром», другая — на Одесской фабрике чертежных принадлежностей. Когда их сложишь, то оказывается, что 70 сантиметров одной линейки соответствуют... 70,5 сантиметрам другой.

Трафареты для шрифтов нигде не выпускаются. Надписи на чертежах приходится делать от руки.

Сколько людей, сидя за чертежными досками, проектируют и создают сложные конструкции. И как часто люди, сидящие за досками, в минуту напряженного труда иду разражаются малоприятными злостными по адресу наших писчебумажных фабрик и артелей.

Чертежными принадлежностями пользуются сотни тысяч советских людей — от школьника до залоченого, от агронома до рабочего-изобретателя. К изготовлению чертежных принадлежностей надо относиться, как к изготовлению точного инструмента.

По поручению коллектива конструкторов инженер-конструктор

МОСКВА

З. ТЕНЬЕВА

От редакции. Проверкой, проведенной по письму тов. Теньевой, установлено, что список недостающих чертежных принадлежностей можно еще продолжить. Нет прежде всего самих чертежных досок, их не выработывают в Москве. Нет масштабных линеек, нет деталей к готовальням, специальных столов.

Производит что придется и как придется. Между тем о выпуске чертежных принадлежностей должны всемерно позаботиться прежде всего Министерство местной промышленности РСФСР, промкооперация, Министерство машиностроения и приборостроения.

Ластик, пацкающие бумагу, выпускает завод «Санитария и гигиена». Транспортники, которые никогда не годятся, снабжает конструкторов московская фабрика «Металлография». Неудачные угольники и лекала делала до начала этого года предприятия Министерства сельскохозяйственного машиностроения. Сейчас выпуск этих необходимых вещей почему-то вообще прекращен.

О путеводителях

Хотя эта книжка выпала из печати почти год назад, о ней нигде не печатали и строчки. А жаль: она является в своем роде первой ласточкой, ибо подобные книжки в послевоенные годы почему-то совсем выпали из поля зрения наших издателей. Речь идет не о романах или повестях, а о скромном путеводителе «Кавказские ми-

неральные воды», изданном Ставропольским краевым книжным издательством. В этой книжке, естественно, обрабатывает тысячи людей, приезжающих отдохнуть и лечиться на Кавказ. Написанная доктором М. Акритас и профессором А. Вишневым, она рассказывает об истории Кавказских минеральных вод, их природных богатствах, лечебных средствах курортов, их особенностях и достопримечательностях. В книжке немало справочного материала, практически полезного для приезжих. Иллюстрации оживляют текст — грамотный и ясный, но, к сожалению, изобилующий восторженными сравнениями и эпитетами в провинциальной стилистике.

Есть в этом путеводителе и другие недостатки. Но сейчас следует говорить не о них, а о положительном начинании Ставропольского издательства, приступившего к выпуску серии путеводителей по своему краю. В нынешнем году оно издало еще четыре кратких справочника — о Кисловодске, Железноводске, Лятигурске и Ессентуках.

Нужда в справочных изданиях такого рода — большая. И не только в путеводителях по курортам.

Авторы этих строк довели до видения, как пассажиры огромного волежского парохода не знали ни рук в руки путеводитель по Волге издания... 1913 года! Многие открытия этого справочника вызвали дружный хохот пассажиров 1950 года. Но это все же не могло умереть то чувство досады, которое испытывают наши экскурсанты, лишенные хотя бы самого краткого путеводителя по великой русской реке.

Издатель такой путеводитель не додумался ни руководители издательства «Физкультура и спорт», ни Географизд, ни одного из пяти областных издательств, расположенных в крупных приволжских городах.

Нет новых путеводителей по Днепру, Каме, Оке, каналу имени Москвы, нет справочных книг о реках советской страны.

Тысячи советских людей посещают Урал, Крым, Алтай, Донбасс. Всюду есть издательства и нет путеводителей. Это мешает туристам, отдыхающим и вообще всем приезжающим глубже и содержательнее ознакомиться с новыми для них местами советской страны.

Нужно выдать плановое и систематическое издание всевозможных справочных книг, которые отражали бы гигантские преобразования, меняющие облик страны.

Видно, еще предстоит найти форму путеводителя нового типа, советского путеводителя. Должен быть составлен централизованный план выпуска путеводителей и справочников, единый для всех центральных и местных издательств. К реализации этого плана надо привлечь квалифицированные кадры краеведов, географов, экономистов, историков, литераторов, художников. Новые путеводители должны быть достойны тех прекрасных советских мест, которым они будут посвящены.

Ц. СОЛОДАРЬ

Читатель протестует

Передо мной роман Василия Агеева «Далеко от Москвы», напечатанный в 1949 г. Грозненским издательством тиражом 17.500 экз. В конце романа, как и в каждой книге, изданной в Грозном, вложен маленький ярлычок с замечательными печатками. В нем приведено 5 исправлений искаженных слов. В допущенные «замечательные» печатки я насчитал еще более 40 «незамечательных» орфографических, синтаксических и стилистических ошибок. Например: Раздражение (367), самолюбивая (274), самостоятельности (150) и т. д.

Переносы слов сделаны вопреки всем

правилам грамматики: бесконечные (12), зам-сясь (236), до-подулась (132), рачет (165), ок-валя (42).

Подобные ошибки встречаются в изобилии также и в книгах, изданных в последнее время Ставропольским, Краснодарским, Ростовским издательствами.

Периодически издаются некоторые книги и в Москве. В качестве иллюстрации приведу роман Т. Томашкина «Алтит уходит в горы», выпущенный в 1949 г. Государственным издательством художественной литературы. В двух книгах романа более 30 опечаток (пропусков букв, неправильно поставленных знаков препинания, искажений слов и т. д.). На стр. 156 из двух имен Саймон и Томсон образовано одно — Саймон; вместо слова «материала» напечатано «материали» (стр. 366); в книге можно прочитать «умерла» (42) и др.

В Издательстве иностранной литературы в 1949 году вышел роман Говарда Фаста «Дорога свободы». Отпечатана эта книга 20-й типографией треста «Политграфизд» Главного управления по делам полиграфической промышленности, издательство и книжной торговли при Совете Министров СССР. Несмотря на такой громкий титул, обозначенный в конце книги, отпечатана она очень плохо.

Пребрежное издание книг — это неуважение к миллионному советским читателям. Выпуск бракованной продукции на книжном рынке надо прекратить.

Учитель П. КОВЕШНИКОВ
Литвиновского района,
Ростовской области

Требование нотариуса

В Первой московской государственной нотариальной конторе ежедневно заверяют 500—600 копий с документов. Большинство таких копий иницирует либо от руки самих посетителей, либо машинисткам — «по согласованию». Для ускорения обслуживания граждан в ноябре прошлого года был установлен специальный фортепедукционный автомат производительностью до 100 отпечатков в час. При этом устраняется необходимость считывать копии с оригиналов и исключается возможность искажения или подделки документов.

Работа фортепедукционного автомата делом оправдала себя. Изготовление копий таким способом намерено ввести во всех крупных нотариальных конторах.

Но, к сожалению, единственный пока фортепедукционный аппарат вот уже в течение пяти месяцев бездействует из-за отсутствия специальной фотобумаги. Министерство кинематографии СССР обязало дать ее во втором полугодии этого года в количестве 12 тысяч квадратных метров, но потом от выполнения этого обязательства отказалось. Работники Главного управления киноленточной промышленности Министерства кинематографии СССР обязаны вынужден взять на себя обязательство и обеспечить нотариальные конторы страны специальной фотобумагой.

П. БОДУНКОВ,
нотариус Первой московской государственной нотариальной конторы

По следам неопубликованных писем

На недостаток технической литературы в Магнитогорске жаловался тов. Татарко. Заместитель начальника Главполиграфиздата при Совете Министров СССР тов. Грушко сообщил редакции, что Роскино-торгу предложено открыть в Магнитогорске магазин научно-технической книги.

Советская литература — боец за мир

В. ЕРМИЛОВ

Классическое творение великой советской литературы, эпопея «Тихий Дон» Михаила Шолохова, каждым своим словом утверждала победу над насильем, ложью, жестокостью интервенции, над любой злобой империалистических хищников. Такой жизненной мощью наполнено произведение, что, кажется, это сама жизнь протестует в каждой строке против войны, против разрушения, тянется к миру. Сама жизнь, сама любовь — герой этой, поистине, народной эпопеи. И, конечно, только могучий народ, народ-миролюбец мог породить такое произведение. «Тихий Дон» полно скорби о судьбе тех простых людей, которых врагам мира удается обмануть, отравить своим ядом и, безжалостно ломая их жизни, бросить в страшное некое войны против народа; и «Тихий Дон» полно гнева против убийц мира, их лжи. Вся эпопея от начала до конца проникнута всепоглощающим народным стремлением к мирной, цельной жизни, к счастью мира и труда, безнадолго утерянному героем романа. Грозит, скорбят и гневен трагический конец произведения, неизбывная образ черного солнца, которое встает над опустенным, над его судьбой, образ опустошенной земли, которой стала подобна душа Григория Мелехова. Это написано с эпической силой пролетария.

Пусть же черное солнце встанет над всеми врагами жизни, любви, над разрушителями человеческих судеб, пусть оно сожжет, испепелит их непоколебимыми черными думами! Это — на родное и проклятое всем тем, кто господствует по старому, ветоному варварскому закону: разделай и властвуй, проклятые лжи, навравивающей одних на других, проклятые владыки злобы!

Наша литература рассказывала во многих произведениях о том, с какой жаждою

ноостью, всепоглощающей творческой страстью советский человек, отвовавший от четырнадцати государств и от «своей» реакции Родину, начал трудный и радостный поворот создания.

Он пришел в красноармейской шинели на уснувший, полуразрушенный завод, вернулся в родную деревню и, как бы его ни звали, — Глеб Чумаков, герой «Цемент», Федора Гладкова, первого в истории литературы романа о радости свободного общественного сознания, — Кирилл Жаркин, герой романа «Брусники» Федора Палферова, строитель колхоза, ставший крупным государственным деятелем, — Увалев, начинающий строитель бумажного комбината в романе «Соть» Леонида Леонова, — Давыдов, переводчик рабочих, герой «Полной целины» Михаила Шолохова, помогавший крестьянам строить новую, колхозную жизнь, — он, этот герой, сосредоточивал в себе такую богатую созидательную энергию народа, которая могла быть вдовольна только новым, советским обществом. И тем более неуждливо, неодолимо была эта энергия, чем дальше приходилось отдаляться, сдерживать ее в дни сражений.

Глеб Чумаков, герой «Цемент», рабочий, сражающийся в боях гражданской войны, ставший командиром социалистической индустрии, увлекает насодом социализма, войдя в строительство старого буржуазного специалиста Клейста, еще вчера существовавшего врагом новой власти, человека растерявшегося, оглушенного гудом истории. Только что отгремели бои. Глеб Чумаков беседует с Клейстом: «... я знаю одно, товарищ техникур: громадин начинаешь бороться. Это будет труднее кровавых боев. Не шутка: хозяйственный фронт! Вот, смотришь: все эти великаны — деда вашего таланта и рук. Надо овладеть это кладбище, товарищ техникур, надо зажечь огнем. Перед нами открывается пельный мир, который уже завоеван. Пройдут

года, и он забеснет дворцами и невиданными машинами. Человек будет уже не раб, а владыка, потому что основой жизни будет свободный и любимый труд».

Герои этого романа рвались в труд, как в битву за мир.

«Не о войне теперь наша забота, — говорит крестьянам на митинге один из героев «Цемент», — Мы не хотим, чтобы поля поливались кровью... Наша забота о народном хозяйстве... Но не наша вина, а наша беда, если паны и генералы ни нас не дают нам спокойного влоха... Не о крови — забота, а о вемле. Не о людях для ба, а о работниках для полей, о худобе, о мирном труде...»

Мир, завоеванный нами, заблестит дворцами и невиданными машинами. Хозяин пришел на землю не временный, а прочный, возводящий свое строение на вечно. Эта особенность героя советской литературы — его стремление строить и его уверенность в том, что он строит и в а в с ч о, вопрека бенованиям всех врагов, — глубоко выжжена в произведении наших писателей.

Маяковский, посетив Америку, был потрясен бивушным строем, вражеским характером американской жизни. Взглядом строителя, создателя он разглядел эту типическую черту, пронизывающую весь так называемый «американский образ жизни», — черту, столь усиленную за четверть века, прошедшие после того, как Маяковский побывал в Америке.

Стремление хозяина и мастера строить начево и бивушным, рвательно, авантюризм хищника-бизнесмена — два стиля, два уклада!

Понятно, что там, где все на бивушках, там ничто не дорого, ничто не жалко разрушить. Для врачей «временщиков» нет, в сущности, никакой реальности, нет создания, нет даже природы, — есть только прибыль, только она одна и важна; все остальное существует не само по себе, а для прибыли, только о для прибыли. Это — сумасшедший мир фикции, где нет жизни, нет никакой ответственности — перед будущим, перед настоящим. Таков стиль существования больших бизнесменов — ничтожных отщепен-

цев, носителей хаоса, развала, войны. Тот, кто строит вавельню, не может не быть борцом за прочный мир во всем мире.

Герой поэмы «Страна Муравия» Александра Твардовского, Моргунок, колебавшийся в год великого перелома, расправившего колхозного деятеля и строителя Филова о новой, колхозной, социалистической жизни, и Фролов отвечает Моргунку:

— Ты говоришь, на сколько лет такая жизнь пойдет? Так вот, даю тебе ответ Открытый и сердечный: Сначала только на пять лет... — А там? — А там — на десять лет. — А там? — А там — на двадцать лет. — А там? — А там — навеечно... — И это твердо, значит? — Да. — Навечно, значит? — Навсегда...

В поэме А. Твардовского перед читателем предстает мир строгих, высказательных мастеров с золотыми руками, которые и не могут строить иначе, как прочно и хорошо. Таковы образы любимых героев поэта. Стихотворение с ласковым уважительным названием «Ивушка» создает образ чудесного, истового мастера, — из тех, что могут работать только хорошо, строить только крепко.

Умер Ивушка-пенчик, Крепкий был еще старик... Золотые были руки... Мастер чество дожил. Сколько есть песен в округе — Это Ивушка сложил.

И с ухваткою привычной, Затопил на пробу печь, Он к хозяевам обычно Обращал такую речь:

— Ну, топите, хлеб печите, Дружно, всеюо живите. А за печку мой ответ: Без ремонта двадцать лет... Умер скромно, торпливо. Так и кажется теперь, Что, как был, остался Ива, Только вышел он за дверь...

ром Михаил Иванович Калинин сказал: «Здесь удивительно конкретно, в соответствии с жизнью правдой, показан рост людей из маленьких городов захолустья на больших стройках».

Герой романа, русский мастерской человек Иван Журкин, — высочайшего класса мастер, стальной-краснодеревник, артист и художник своего дела, артист и художник по натуре — гармонично-virtuoso, песенная душа. От отца своего он унаследовал и высокое мастерство, и мечту. Отец не мог применить свое тонкое мастерство, он вынужден был стать простым гребщиком. И всю жизнь своим он мечтал о счастье — о прочности жизни, ему грешилось собственной мастерской в городе Сызрани, который представлялся ему «таманно-чужденным краем, городом-зарей». «И что-то еще более светлое и радостное... чудесло над Сызранью. Что? Эх, если бы правду говорил люди и дело стало только за мастерством, сумел бы он показать, что такое мастерство!»

«Что-то еще более светлое и радостное... Мечта мастера вовсе не сводилась только к мечте о своей мастерской, — нет, это была мечта о настоящей, в полную силу, работе, о такой жизни, в которой для того, чтобы хорошо жить, достаточно быть хорошим мастером, честным тружеником».

Но все эти мечты рушились, и даже Сызрань, «город-заря», куда все же ему, наконец, удалось перебраться, сторел вместе с его собственной мастерской. Сторел город от одного из тех пожаров, которыми богата была древняя деревянная Русь, по пожар этот в романе имел символическое значение, он выражал общечеловеческое значение «маленького» человека о счастье в том обществе, где ценится не строение, а прибыль, где «дело стоит» не «за мастерством», а за волеюй ухваткой...

Все мечты, все помыслы Ивана Журкина вышли в люди, добиться устойчивости в жизни терпели крах.

Но на большой советской стройке Иван Журкин встречается с советом иными законами жизни. До этого он «жил на какой-то зыблещей земле»... И вот: «Он шагнул по твердой, по заработанной им теперь земле, шагнул, как свой». Душа не отравилась уже, как прежде, от этой железной чужбины, от ее грохотов, лязгов, от сверлящих и режущих звуков, набоб-

Повести Василия Смирнова

В. ВИХРОВ

Василий Смирнов дважды был признан молодым писателем. Первый раз это случилось лет десять тому назад, когда появилась повесть «Сыновья» и в рецензиях говорилось, что это «первый взмах крыльев», что автор «обещает вырасти» и т. д. Второй раз это произошло года два назад, когда печаталась повесть «Открытие мира» и в критических статьях можно было снова прочесть, что «среде новых имен, вошедших в нашу литературу за последний год, Ярославский писатель Василий Смирнов заслуживает особого внимания».

Самое любопытное заключается в том, что ни в том, ни в другом случае В. Смирнов не был новичком в литературе: еще в 1930 году в серии «Новики пролетарской литературы» вышла его первая книга «Гарь», а в 1934 г. на страницах журнала «Звено» публиковалась другая его повесть «Район». Об этих ранних вещах Смирнова сейчас уместно вспомнить потому, что в «Открытии мира» есть события и люди, очень сходные с теми, какие были в старой книге писателя «Гарь», рассказывавшей о русской деревне 1910—1917 гг. а в «Сыновьях» он возвращается к мотивам романа «Район», в котором описывался период коллективизации.

Смирнов — однолюб. Во всех своих четырех произведениях он изображает волжскую деревню, показывает процессы революционной переделки сознания своих героев, которые и живут, кажется, все в одном селе, что стоит на крутом берегу Волги, по соседству с Глебовым.

О первых произведениях писателя надо вспомнить еще потому, что без них не объяснимы литературные достоинства его последующих книг. В самом деле, откуда оно, это зрелое мастерство «Сыновей» и «Открытия мира», у молодого, если верить рецензиям, начинающего свой творческий путь автора?

Нет, не вдруг и не просто пришла к В. Смирнову зрелость мастера, острота и тонкость психологического анализа, отличное умение «рисовать словами».

Писатель и прежде стремился проникнуть в души героев. Однако они, эти герои, надеждами, страстями, надломленными характерами, а потому были несовременны. Героя «Гаря» Антону Кашину автор приписывал поступки и размышления, свойственные скорее являющемуся в революции интеллигенту, чем батраку, которому сама жизнь должна была подсказать путь простой и ясный!

Ранним произведениям писателя не хватало ясности и четкости идей, как не хватало им простоты и ясности формы. Стали раньше вещей Смирнова был выписан, являлись приподнят, будто писал он их, стоя на пятачках, язык перенасыщен метафорами. Вот к примеру одно из пейзажных зарисовок «Гаря»:

«По ту сторону реки, над тем самым местом, где должен быть лес, дала поднялась большой кровяной парывом, алая дала в темную синь Волги и в ней расшаркалась тысячами красных осколков...»

Интересно, что тогда писатель оказался наиболее слабым именно там, где теперь он, безусловно, силен. Годы выучки, годы учебы у жизни не прошли даром. В недавно выпущенной книге повестей В. Смирнова, куда вошли «Открытие мира» и «Сыновья», особенно обращают на себя внимание два черта: во-первых, пристальное внимание писателя ко всему, что касается изменений психологии, «диагностики души» героев и, во-вторых, высказанное отношение автора к слову.

Герой «Открытия мира» — обыкновенный деревенский мальчуган, мечтатель, фантазер. Лежит он на траве в поле, после неудачной вылазки на Тихвинскую ярмарку, глядит в небо и мечтает:

«Отлично было бы осесть обидно и уплыть на нем куда-нибудь подальше от гуляния, от людей, которые жуют, обмалывают».

В. Смирнов. «Повести», Государственное издательство художественной литературы, 1950 г., 568 стр.

от — она обступала Журкина дружественным многолюдьем». Журкин стал уважаемым человеком, признанным мастером, бригадиром на деревообрабатывающем заводе в Красногорске.

«Прощито — вот чего никогда не знал он в своей рабочей судьбе. Но теперь он управо захотел ее, этой прощито, он захотел ее и для завода, для всей страны».

Найдя, наконец, прочную точку жизни, Журкин будет держаться за нее крепко, и яростно будет бороться за то, чтобы шла как надо жизнь. Он не допустит, чтобы сорвало завешенное счастье, как сорвал «горел-заря» его юности. А до него уже доносились шепотом врагов, тайно орудующих в Красногорске, сговаривающихся о поджоге, делеющих в диверсионском подполье мечту о том, чтобы сорвала стройка, исчезла, как дым, как призрак... Журкин «мысленно накинута на эти крыши ветря, облитую огнем Сырзана, которая до сих пор содрогала его в снах. И он видел пламя, еще страшнее, чем в снах. Оно косматилось старухой, долавшевее, наконец, до своего, ликующей».

В этом образе косматой, злобной старухи, возникающей в пламени пожара, отвечает перед Журкиным вражеская диверсия, в ой на, грозившая нашей мирной жизни.

Война смертельно враждебна труду и труженикам, всей их жизни, всем их мечтам. Как постоянна наша литература в своей верности этой теме!

Образ советского человека в нашей поэзии — образ хозяина, творца волшебной страны, поэта труда и сознания. Вспомним одно из наиболее значительных стихотворений М. Исаковского: «У мавзолея Ленина».

Проходит ночь. И над землей все шире
Заря встает, светла...
Не умер он повсюду в этом мире
Живут его дела.

И если верен ты его завещан —
Огням большой весны, —
В своей стране ты должен стать поэтом —
Творцом своей страны.

На стройке ль ты прилаживаешь
камень, —
Приладь его навек,
Чтобы твоими умными руками
Гордился человек...

В колхозную жизнь поверилось не сразу. Писатель правдиво, ничего не украшая, показывает всю тяжесть привычек прошлого, бояни нового, давнюю привычку, пусть к маленькой, но к своей полосе. Впрочем, новое неодоимо брало свое. Прошел на своего хозяйства буденновец Елисеев, поехал посмотреть колхоз, возвратился и сказал: «Все это правда!» Стали прилетать вести одна чуднее другой: о машинах, которые сами пахут, о лесе, что растет «по науке». А тут еще сыны-школьщики... Возвращается дочью с собрания мать, сыны не спят.

— Вступила? — настойчиво повторил михикин голое...
— Спи... какое тебе дело? — сердито ответила мать.
Кровать скрипнула, и Ленка, недовольно посапывая, поддержала брата:
— Не хуже... Нам тоже надо знать...
Все, что рассказано в повести о рождении колхоза, первых трудностях и оживлении, о захватывающей силе общей коллективной работы, о первых годах колхозного труда, — все это было описано во множестве романов и повестей, печатавшихся в ту пору. Многие из этих произведений выдержали испытание временем. Забыт и роман Смирнова «Район». Но «Сыновья», вышедшие в 1940 г., остались.

Секрет долговечия этой повести можно искать в том, что писатель нарисовал типичный жизненный путь крестьянки Анны Стуковой. Волнует читателя любовь Анны к сыновьям, в которых видит она не только свою кровь, но и все то родное, лучшее, новое, что несет с собой колхозная жизнь. Обаяние книги и в той атмосфере чистоты, прозрачности отношений между людьми, в которой растут сыновья Анны Стуковой, ее сыны, открывающие, в отличие от Шурика из «Открытия мира», совсем другой, большой и ясный, мир социализма. События и люди в повести изображены художником, которому не надо тратить много слов, чтобы показать, сказать, силу любви Анны Стуковой к своим сыновьям, а нужно лишь написать так:

«Пожилаесь от свежести, сыновья, сущая, шли навстречу солнцу. Косые дымчатые тени падали от них на обочину дороги... Мать замедляла шаги, чтобы не наступить на эти светлые, качающиеся тени».

Собранные вместе, повести обнаруживают и некоторые слабые стороны творчества Смирнова. Они кое в чем похожи одна на другую, эти ранние повести, несмотря на то, что действие «Открытия мира» происходит в 10-х годах, а в «Сыновьях» — в 30-х. Сказывается это в примерно схожей речи героев, которые говорят хороним, образным, но одинаковым языком: речь крестьянки Пелагеи, шуриковой матери, не сразу отличить от речи колхозницы Анны Стуковой, хотя эпоха, жизненный опыт героини должны были наложить свой отпечаток и на ее словарь.

И одна и другая повести в большей своей части являются как бы развернутыми внутренними монологами их героев, изображение всех внешних событий дается в них через восприятие главного героя, в первом случае — деревенского мальчугана Шурика, во втором — колхозной матери Анны Стуковой. Но прием, очень удачный в «Открытии мира», где рисовался маленький, замкнутый мирок старой деревни, в «Сыновьях» иногда ограничивает масштаб действия, сужает мир нового колхозного села, связи которого простираются далеко за его пределы. В первой и второй частях повести круг наблюдений Анны Стуковой неширок: она никуда дальше своего села не показывается.

Не случайно, что в третьей части повести внутренний монолог уже не имеет преобладающего значения. Богатство и разнообразие жизни, открывающейся перед Анной Стуковой, подсказали писателю другие формы повествования.

«И она и другая повести в большей своей части являются как бы развернутыми внутренними монологами их героев, изображение всех внешних событий дается в них через восприятие главного героя, в первом случае — деревенского мальчугана Шурика, во втором — колхозной матери Анны Стуковой. Но прием, очень удачный в «Открытии мира», где рисовался маленький, замкнутый мирок старой деревни, в «Сыновьях» иногда ограничивает масштаб действия, сужает мир нового колхозного села, связи которого простираются далеко за его пределы. В первой и второй частях повести круг наблюдений Анны Стуковой неширок: она никуда дальше своего села не показывается.

«И она и другая повести в большей своей части являются как бы развернутыми внутренними монологами их героев, изображение всех внешних событий дается в них через восприятие главного героя, в первом случае — деревенского мальчугана Шурика, во втором — колхозной матери Анны Стуковой. Но прием, очень удачный в «Открытии мира», где рисовался маленький, замкнутый мирок старой деревни, в «Сыновьях» иногда ограничивает масштаб действия, сужает мир нового колхозного села, связи которого простираются далеко за его пределы. В первой и второй частях повести круг наблюдений Анны Стуковой неширок: она никуда дальше своего села не показывается.

«И она и другая повести в большей своей части являются как бы развернутыми внутренними монологами их героев, изображение всех внешних событий дается в них через восприятие главного героя, в первом случае — деревенского мальчугана Шурика, во втором — колхозной матери Анны Стуковой. Но прием, очень удачный в «Открытии мира», где рисовался маленький, замкнутый мирок старой деревни, в «Сыновьях» иногда ограничивает масштаб действия, сужает мир нового колхозного села, связи которого простираются далеко за его пределы. В первой и второй частях повести круг наблюдений Анны Стуковой неширок: она никуда дальше своего села не показывается.

«И она и другая повести в большей своей части являются как бы развернутыми внутренними монологами их героев, изображение всех внешних событий дается в них через восприятие главного героя, в первом случае — деревенского мальчугана Шурика, во втором — колхозной матери Анны Стуковой. Но прием, очень удачный в «Открытии мира», где рисовался маленький, замкнутый мирок старой деревни, в «Сыновьях» иногда ограничивает масштаб действия, сужает мир нового колхозного села, связи которого простираются далеко за его пределы. В первой и второй частях повести круг наблюдений Анны Стуковой неширок: она никуда дальше своего села не показывается.

«И она и другая повести в большей своей части являются как бы развернутыми внутренними монологами их героев, изображение всех внешних событий дается в них через восприятие главного героя, в первом случае — деревенского мальчугана Шурика, во втором — колхозной матери Анны Стуковой. Но прием, очень удачный в «Открытии мира», где рисовался маленький, замкнутый мирок старой деревни, в «Сыновьях» иногда ограничивает масштаб действия, сужает мир нового колхозного села, связи которого простираются далеко за его пределы. В первой и второй частях повести круг наблюдений Анны Стуковой неширок: она никуда дальше своего села не показывается.

«И она и другая повести в большей своей части являются как бы развернутыми внутренними монологами их героев, изображение всех внешних событий дается в них через восприятие главного героя, в первом случае — деревенского мальчугана Шурика, во втором — колхозной матери Анны Стуковой. Но прием, очень удачный в «Открытии мира», где рисовался маленький, замкнутый мирок старой деревни, в «Сыновьях» иногда ограничивает масштаб действия, сужает мир нового колхозного села, связи которого простираются далеко за его пределы. В первой и второй частях повести круг наблюдений Анны Стуковой неширок: она никуда дальше своего села не показывается.

«И она и другая повести в большей своей части являются как бы развернутыми внутренними монологами их героев, изображение всех внешних событий дается в них через восприятие главного героя, в первом случае — деревенского мальчугана Шурика, во втором — колхозной матери Анны Стуковой. Но прием, очень удачный в «Открытии мира», где рисовался маленький, замкнутый мирок старой деревни, в «Сыновьях» иногда ограничивает масштаб действия, сужает мир нового колхозного села, связи которого простираются далеко за его пределы. В первой и второй частях повести круг наблюдений Анны Стуковой неширок: она никуда дальше своего села не показывается.

«И она и другая повести в большей своей части являются как бы развернутыми внутренними монологами их героев, изображение всех внешних событий дается в них через восприятие главного героя, в первом случае — деревенского мальчугана Шурика, во втором — колхозной матери Анны Стуковой. Но прием, очень удачный в «Открытии мира», где рисовался маленький, замкнутый мирок старой деревни, в «Сыновьях» иногда ограничивает масштаб действия, сужает мир нового колхозного села, связи которого простираются далеко за его пределы. В первой и второй частях повести круг наблюдений Анны Стуковой неширок: она никуда дальше своего села не показывается.

«И она и другая повести в большей своей части являются как бы развернутыми внутренними монологами их героев, изображение всех внешних событий дается в них через восприятие главного героя, в первом случае — деревенского мальчугана Шурика, во втором — колхозной матери Анны Стуковой. Но прием, очень удачный в «Открытии мира», где рисовался маленький, замкнутый мирок старой деревни, в «Сыновьях» иногда ограничивает масштаб действия, сужает мир нового колхозного села, связи которого простираются далеко за его пределы. В первой и второй частях повести круг наблюдений Анны Стуковой неширок: она никуда дальше своего села не показывается.

«И она и другая повести в большей своей части являются как бы развернутыми внутренними монологами их героев, изображение всех внешних событий дается в них через восприятие главного героя, в первом случае — деревенского мальчугана Шурика, во втором — колхозной матери Анны Стуковой. Но прием, очень удачный в «Открытии мира», где рисовался маленький, замкнутый мирок старой деревни, в «Сыновьях» иногда ограничивает масштаб действия, сужает мир нового колхозного села, связи которого простираются далеко за его пределы. В первой и второй частях повести круг наблюдений Анны Стуковой неширок: она никуда дальше своего села не показывается.

«И она и другая повести в большей своей части являются как бы развернутыми внутренними монологами их героев, изображение всех внешних событий дается в них через восприятие главного героя, в первом случае — деревенского мальчугана Шурика, во втором — колхозной матери Анны Стуковой. Но прием, очень удачный в «Открытии мира», где рисовался маленький, замкнутый мирок старой деревни, в «Сыновьях» иногда ограничивает масштаб действия, сужает мир нового колхозного села, связи которого простираются далеко за его пределы. В первой и второй частях повести круг наблюдений Анны Стуковой неширок: она никуда дальше своего села не показывается.

«И она и другая повести в большей своей части являются как бы развернутыми внутренними монологами их героев, изображение всех внешних событий дается в них через восприятие главного героя, в первом случае — деревенского мальчугана Шурика, во втором — колхозной матери Анны Стуковой. Но прием, очень удачный в «Открытии мира», где рисовался маленький, замкнутый мирок старой деревни, в «Сыновьях» иногда ограничивает масштаб действия, сужает мир нового колхозного села, связи которого простираются далеко за его пределы. В первой и второй частях повести круг наблюдений Анны Стуковой неширок: она никуда дальше своего села не показывается.

«И она и другая повести в большей своей части являются как бы развернутыми внутренними монологами их героев, изображение всех внешних событий дается в них через восприятие главного героя, в первом случае — деревенского мальчугана Шурика, во втором — колхозной матери Анны Стуковой. Но прием, очень удачный в «Открытии мира», где рисовался маленький, замкнутый мирок старой деревни, в «Сыновьях» иногда ограничивает масштаб действия, сужает мир нового колхозного села, связи которого простираются далеко за его пределы. В первой и второй частях повести круг наблюдений Анны Стуковой неширок: она никуда дальше своего села не показывается.

«И она и другая повести в большей своей части являются как бы развернутыми внутренними монологами их героев, изображение всех внешних событий дается в них через восприятие главного героя, в первом случае — деревенского мальчугана Шурика, во втором — колхозной матери Анны Стуковой. Но прием, очень удачный в «Открытии мира», где рисовался маленький, замкнутый мирок старой деревни, в «Сыновьях» иногда ограничивает масштаб действия, сужает мир нового колхозного села, связи которого простираются далеко за его пределы. В первой и второй частях повести круг наблюдений Анны Стуковой неширок: она никуда дальше своего села не показывается.

«И она и другая повести в большей своей части являются как бы развернутыми внутренними монологами их героев, изображение всех внешних событий дается в них через восприятие главного героя, в первом случае — деревенского мальчугана Шурика, во втором — колхозной матери Анны Стуковой. Но прием, очень удачный в «Открытии мира», где рисовался маленький, замкнутый мирок старой деревни, в «Сыновьях» иногда ограничивает масштаб действия, сужает мир нового колхозного села, связи которого простираются далеко за его пределы. В первой и второй частях повести круг наблюдений Анны Стуковой неширок: она никуда дальше своего села не показывается.

«И она и другая повести в большей своей части являются как бы развернутыми внутренними монологами их героев, изображение всех внешних событий дается в них через восприятие главного героя, в первом случае — деревенского мальчугана Шурика, во втором — колхозной матери Анны Стуковой. Но прием, очень удачный в «Открытии мира», где рисовался маленький, замкнутый мирок старой деревни, в «Сыновьях» иногда ограничивает масштаб действия, сужает мир нового колхозного села, связи которого простираются далеко за его пределы. В первой и второй частях повести круг наблюдений Анны Стуковой неширок: она никуда дальше своего села не показывается.

«И она и другая повести в большей своей части являются как бы развернутыми внутренними монологами их героев, изображение всех внешних событий дается в них через восприятие главного героя, в первом случае — деревенского мальчугана Шурика, во втором — колхозной матери Анны Стуковой. Но прием, очень удачный в «Открытии мира», где рисовался маленький, замкнутый мирок старой деревни, в «Сыновьях» иногда ограничивает масштаб действия, сужает мир нового колхозного села, связи которого простираются далеко за его пределы. В первой и второй частях повести круг наблюдений Анны Стуковой неширок: она никуда дальше своего села не показывается.

«И она и другая повести в большей своей части являются как бы развернутыми внутренними монологами их героев, изображение всех внешних событий дается в них через восприятие главного героя, в первом случае — деревенского мальчугана Шурика, во втором — колхозной матери Анны Стуковой. Но прием, очень удачный в «Открытии мира», где рисовался маленький, замкнутый мирок старой деревни, в «Сыновьях» иногда ограничивает масштаб действия, сужает мир нового колхозного села, связи которого простираются далеко за его пределы. В первой и второй частях повести круг наблюдений Анны Стуковой неширок: она никуда дальше своего села не показывается.

«И она и другая повести в большей своей части являются как бы развернутыми внутренними монологами их героев, изображение всех внешних событий дается в них через восприятие главного героя, в первом случае — деревенского мальчугана Шурика, во втором — колхозной матери Анны Стуковой. Но прием, очень удачный в «Открытии мира», где рисовался маленький, замкнутый мирок старой деревни, в «Сыновьях» иногда ограничивает масштаб действия, сужает мир нового колхозного села, связи которого простираются далеко за его пределы. В первой и второй частях повести круг наблюдений Анны Стуковой неширок: она никуда дальше своего села не показывается.

«И она и другая повести в большей своей части являются как бы развернутыми внутренними монологами их героев, изображение всех внешних событий дается в них через восприятие главного героя, в первом случае — деревенского мальчугана Шурика, во втором — колхозной матери Анны Стуковой. Но прием, очень удачный в «Открытии мира», где рисовался маленький, замкнутый мирок старой деревни, в «Сыновьях» иногда ограничивает масштаб действия, сужает мир нового колхозного села, связи которого простираются далеко за его пределы. В первой и второй частях повести круг наблюдений Анны Стуковой неширок: она никуда дальше своего села не показывается.

«И она и другая повести в большей своей части являются как бы развернутыми внутренними монологами их героев, изображение всех внешних событий дается в них через восприятие главного героя, в первом случае — деревенского мальчугана Шурика, во втором — колхозной матери Анны Стуковой. Но прием, очень удачный в «Открытии мира», где рисовался маленький, замкнутый мирок старой деревни, в «Сыновьях» иногда ограничивает масштаб действия, сужает мир нового колхозного села, связи которого простираются далеко за его пределы. В первой и второй частях повести круг наблюдений Анны Стуковой неширок: она никуда дальше своего села не показывается.

«И она и другая повести в большей своей части являются как бы развернутыми внутренними монологами их героев, изображение всех внешних событий дается в них через восприятие главного героя, в первом случае — деревенского мальчугана Шурика, во втором — колхозной матери Анны Стуковой. Но прием, очень удачный в «Открытии мира», где рисовался маленький, замкнутый мирок старой деревни, в «Сыновьях» иногда ограничивает масштаб действия, сужает мир нового колхозного села, связи которого простираются далеко за его пределы. В первой и второй частях повести круг наблюдений Анны Стуковой неширок: она никуда дальше своего села не показывается.

«И она и другая повести в большей своей части являются как бы развернутыми внутренними монологами их героев, изображение всех внешних событий дается в них через восприятие главного героя, в первом случае — деревенского мальчугана Шурика, во втором — колхозной матери Анны Стуковой. Но прием, очень удачный в «Открытии мира», где рисовался маленький, замкнутый мирок старой деревни, в «Сыновьях» иногда ограничивает масштаб действия, сужает мир нового колхозного села, связи которого простираются далеко за его пределы. В первой и второй частях повести круг наблюдений Анны Стуковой неширок: она никуда дальше своего села не показывается.

«И она и другая повести в большей своей части являются как бы развернутыми внутренними монологами их героев, изображение всех внешних событий дается в них через восприятие главного героя, в первом случае — деревенского мальчугана Шурика, во втором — колхозной матери Анны Стуковой. Но прием, очень удачный в «Открытии мира», где рисовался маленький, замкнутый мирок старой деревни, в «Сыновьях» иногда ограничивает масштаб действия, сужает мир нового колхозного села, связи которого простираются далеко за его пределы. В первой и второй частях повести круг наблюдений Анны Стуковой неширок: она никуда дальше своего села не показывается.

«И она и другая повести в большей своей части являются как бы развернутыми внутренними монологами их героев, изображение всех внешних событий дается в них через восприятие главного героя, в первом случае — деревенского мальчугана Шурика, во втором — колхозной матери Анны Стуковой. Но прием, очень удачный в «Открытии мира», где рисовался маленький, замкнутый мирок старой деревни, в «Сыновьях» иногда ограничивает масштаб действия, сужает мир нового колхозного села, связи которого простираются далеко за его пределы. В первой и второй частях повести круг наблюдений Анны Стуковой неширок: она никуда дальше своего села не показывается.

«Стихи и песни» А. Софронова

В Государственном издательстве художественной литературы вышел объемный для поэтической книги сборник Анатолия Софронова «Стихи и песни». И начал свою рецензию с объема потому, что излишне разросшийся объем этой книги во многом определил ее недостатки. Стихи и песни для этой книги отобраны автором настолько несомкритически, что это бросается в глаза. Хорошие стихи соседствуют в книге с посредственными и даже с очевидно слабыми, а в разделах «Зима в лесу», «Над берегом Черного моря» и «Кама-Волга» именно посредственные и слабые стихи составляют большинство.

Предпоследний раздел книги — «Песни» — тоже вызывает возражения по своему составу. Рядом с талантливыми и широко известными песнями «Шумел сурово Брянский лес», «Ростов-город», «И я дуба старого», «Казачья круговая», рядом с хорошими, на мой взгляд, шуточными песнями «Через мост» и «Садовник» непечатаны тексты песен «Кауно» и «Три внука», которые трудно воспринимать как стихи, написанные рукою зрелого поэта, даже если они шуточные. Привожу две цитаты. Из песни «Кауно»:

Припекало солнышко,
Дождик землю поливал,
Разрасталось зернышко,
И цветочек расцветал.
И рос кауно,
Играл игуно,
Соки набирал,
Под листиком лежал,
Так рос, так рос, так рос кауно.

Из песни «Три внука»:
А ну-ка, а ну-ка,
У бабушки было три внука.
Ее обнимают,
Аж кости трещат...
— Ой, ой, помираю!
От ласковых внучат!
А ну-ка, а ну-ка,
У бабушки было три внука.
Вот так штука,
Красота!

Думается, что не следовало бы поуту, подбирая стихи для своей книги, печатать и такие песни, как «Орлиная семья», «Ходят сокола».

Если вернуться к стихам, то это замечание, по-моему, следует адресовать довольно многочисленным стихотворениям: «Даз», «Судьи», «Строители дорог», «В старом затоне», «Огни пятилетки», «Весна трактористов», «Боксозодское пламя», «Москва».

А ведь сборник Анатолия Софронова мог быть хорошим. Читателям, несомненно, понравится в книге те стихи, где слышны раскаты грозных битв 1942 и 1943 годов на Кубани, на Дону. Читатель не останется равнодушным к тем поэтическим описаниям природы юга России, которую автор и глубоко любит, и хорошо чувствует. Наконец, читателю понравятся живые образы казаков — бойцов и командиров наших кавалерийских корпусов, с хорошей романтикой приподнятостью и вместе с тем с живыми бытовыми черточками, с теплым юмором выведенные А. Софроновым во многих стихах лучших отделов книги «Сторопа донская», «Казачья слава». И в особенности, в выразительных сюжетных балладах «Горобец», «Дубок и Грачев», «Сказ про Воробья», в которых прежде всего хочется адресовать читателя.

Однако, адресуя читателя к этим хорошим стихотворениям и отчетливо представляя себе, как собранная именно из этих стихотворений, у Анатолия Софронова получилась бы небольшая по объему, но талантливая книга, объединенная одной темой Отечественной войны, казачьей славы, родных автору степей, приходивших в то же время к выводу, над которым поэту надо задуматься — читателю пришлось бы адресовать, главным образом, к стихам 1942-1943, реже 1941-1945 годов. Дальше у поэта эта тема утрачивается или существует в уже гораздо более слабых повторах, а новая тема еще не родилась, не созрела. Большинство стихов Анатолия Софронова, написанных за последние годы в газетах и журналах и частично собранных в рецензируемом сборнике — в первом его разделе «Современники», — это стихи, по которым, не зная всего творчества Софронова, можно составить пререпутное представление о его поэтических возможностях. Говоря прямо, эти стихи в большинстве своем бедно написаны, злоупотребляя впечатлениями выражениями и общими местами, и только изредка в них видны искры того таланта, которым, безусловно, отмечены очень многие стихи А. Софронова предвоенных и военных лет.

Очевидно, на поэтическое пути А. Софронова пагубно сказываются и недостаток самкритичности и недостаточная принципиальность некоторых редакторов — их нежелание спорить с поэтом, критиковать его, говорить ему правду в глаза. А между тем Анатолию Софронову, талантливому поэту, надо честно сказать, что последние годы работает в области поэзии слабо, гораздо ниже своих возможностей, что, утратив прежнюю тему, он не обрел еще новой и подменяет серьезные поэтические поиски стихами, зачастую пошлыми, скороспелыми, в которых есть только торжественные завывания на большую тему, но нет настоящего внутреннего наполнения, настоящей работы над словом, словом, настоящей ответственности поэта.

Об этом, к сожалению, свидетельствует рецензируемая книга Анатолия Софронова «Стихи и песни».

К. СИМОНОВ

Планировка сел укрупненных колхозов

ПОЛТАВА. Организация Общесоюзного проекта планировки сел укрупненных колхозов. Эту работу намечено выполнить в первую очередь для 220 больших населенных пунктов.

В районах выехали восемь комплексных бригад, состоящих из архитекторов и землеустроителей, которые одновременно составляют размещения производственных центров, проект новых севооборотов, планировку сел.

Самый такой стиль, весь такой характер отношений к будущим жителям, конечно, только у хозяев земли, у тех, кто строит жизнь навечно, — и образ этой жизни возникает как завет потомкам — запах вечной дружбы, вечного мира на земле!

(Продолжение следует)

Анна КАБАЕВА

Друг советских писателей

Во второй годовщине со дня смерти А. Л. Жданова

Помню теплый вечер в конце августа два года назад, когда в последние известия по радио мы услышали скорбную весть о смерти Андрея Александровича Жданова. Помню, как мы, пораженные этой вестью, долго говорили о нем. Трудно было связать мысль о смерти с привычным представлением об этом замечательном человеке, верном сыне большевистской партии, борце и руководителе, деятельностью которого была столь кипучей и многогранной. Героическая оборона Ленинграда связана с именем А. А. Жданова. Советские люди навсегда запомнили его доклад на информационном совещании представителей некоторых компартий, доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», выступления на философской дискуссии, на совещании по вопросам советской музыки. Множество больших и прекрасных дел во славу нашей Родины и нашей культуры связано с именем А. А. Жданова. Мы, советские писатели, видели в Андрее Александровиче, соратнике великого Сталина, нашего большого и верного друга. На протяжении многих лет он помогал развитию советской литературы, помогал нам исправлять ошибки и недочеты.

Помню, как впервые мы увидели А. А. Жданова и познакомились с ним на открытии съезда советских писателей. Появление Андрея Александровича в президиум съезда встретило горячей овацией. Он помедлил немного, потом улыбнулся, склонив голову: «Ну, начнем, товарищи». И его речь-приветствие от имени ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров открыла съезд советских писателей, первый съезд «за всю многовековую историю литературы», как сказал в своем выступительном слове Алексей Максимович Горький.

Вспоминая речь А. А. Жданова, вновь испытываешь чувство восторга. Товарищ Жданов предельно ясно показал нам сущность гениального сталинского определения основного метода советской литературы — социалистического реализма. Как все в этой речи свежо, верно и действительно! Перед лицом всего прогрессивного человечества советская литература была поднята в этой речи, превращаясь в частями и горячими рукопожатиями, на такую высоту задач, какой не знала ни одна литература в мире.

«Великие знамя Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина победило. Именно победа этого знамени мы обязаны тем, что здесь собрался первый съезд советских писателей. Не было бы этой победы, не было бы и этого съезда», — говорил А. А. Жданов. — Такой съезд, как этот, не соборать никому, кроме нас — большевиков».

Благородной патристической гордостью звучали слова Жданова о том, что по основу в этой литературе, которая в основу своего бытия положила бы борьбу за счастье трудового народа и сделала бы героями произведений рабочего и крестьянина, литературы, которая представляет собой «плоть от плоти и кость от кости нашего социалистического строительства».

Словами гнева и презрения заклеймял тогда Жданов буржуазную литературу, которая «продала свое перо капиталу» и занялась «воспеванием зерной ночи» и воспеванием безалаберности и бессельности человеческого существования. И это определение целиком себя оправдало: мы боремся и разоблачаем сейчас эту прогнившую наскавою реакционную литературу и будем делать это до тех пор, пока она будет своим гниением отравлять воздух.

Незабываема речь Жданова на первом нашем съезде. Его слова: «Будьте активнейшими организаторами переделки сознания людей в духе социализма!» — вспомнились мне двенадцать лет спустя, когда после исторического постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» писатели были приглашены на беседу с Андреем Александровичем. Слышав его, я испытала чувство стыда за то, что мы, писатели, радуясь успехам нашей литературы, вынуждены из поля зрения переделке сознания людей в духе социализма. В беседе с нами, в своем замечательном докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» А. А. Жданов напомнил нам о большевистской непримиримости к антинародным течениям в литературе, вдохновляющей нас, писателей, на решительную борьбу с ними. Он напомнил нам о священном нашем долге: идти в передовых рядах народа, быть знаменосцами всего передового, нового, помогать партии воспитывать новые поколения в духе коммунизма, в духе революционной бодрости и любви к жизни. Слова Жданова: «Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, и Русь уже не та...», «каждое удачное произведение можно сравнивать с выигранным сражением, или с крупной победой на хозяйственном фронте», слова об активном вторжении литературы «во все стороны советского бытия» и многие другие вдохновляющие, победоносные мобилирующие слова съезда и призывы Андрея Александровича Жданова врезались в нашу память, стали повседневными огнями в жизни нашего искусства, облетали весь мир.

А. А. Жданов любил советскую литературу глубокой, страстной любовью. Эта любовь, эта готовность всегда помочь ей, научить, поднять дух художника пеходила у Жданова из самых глубоких традиций. Эта большевистская требовательная любовь и заинтересованность вдохновлялась сталинскими требованиями к нам, как к инженерам человеческих душ.

А. А. Жданов призывал «седей двинуть вперед теорию советского общества, теорию советского государства, теорию современного естественности, этику и эстетику». Как видим, вопросы эстетики Жданов соединил с важнейшими проблемами бытия нашего советского общества и государства.

Вспомним также его призыв в дни нашего съезда: «Быть инженерами человеческих душ — это значит активно бороться за культуру языка, за качество произведений». Двигать вперед эстетику, давать марксистский разбор любой художественных качеств произведения, конечно, немалым без разбора языка, основного материала литературы.

Гениальные работы товарища Сталина «Отношение марксизма к языкознанию», «К некоторым вопросам языкознания. Ответ товарищу К. Крайневичу» и «Ответ товарищам» дан в руки советских писателей могучее оружие борьбы за совершенный, точный язык художественных произведений.

Нам, писателям, бесконечно дорога память об Андрее Александровиче Жданове. Ждановская любовь к литературе учит нас трудиться для нее, для ее будущего, для воспитания новых поколений нашей большой советской литературы, верного знамени коммунизма и мира во всем мире.

Два месяца военных действий в Корее

Идет третий месяц войны в Корее, начатой кликой Ли Сын Мана по указке его американских хозяев.

П. КОЛОМЕЙЦЕВ

За истинный, сравнительно короткий период Народная армия Кореи добилась решающих стратегических успехов. Она разгромила лысымановские войска и нанесла ряд тяжелых поражений американским войскам, осуществляющим гнусную интервенцию против корейского народа.

Боевые действия Народной армии отличаются высокой стремительностью, которая сочетается с упорством и настойчивостью в достижении победы над врагом. Уже в течение первых тридцати дней боев части Народной армии, преодолевая упорное сопротивление противника, продвинулись (своим правым крылом) на 400 километров, выйдя на самую южную оконечность Корейского полуострова. Развивая наступление на других участках фронта, Народная армия загнала неприятельскую группировку на Пусанский выступ.

Чем объясняются столь разительные успехи Народной армии и неудачи ее врагов?

Чтобы правильно ответить на этот вопрос, необходимо проследить ход военных событий. Мы не будем останавливаться на том, как подготавливалась агрессия против Кореи народно-демократической республики. — Факты эти общеизвестны. Нам остается лишь то, как практически осуществляли лысымановцы и американцы свои агрессивные планы и что из этого получилось.

Рассматривая ход боевых операций Народной армии, мы можем различить в ней три основных этапа: период оборонительных боев против вторгшихся на север лысымановских войск, контрудар, перешедший в наступление по всему фронту и преследование противника.

Оборонительные бои Народной армии и контрудар

Тотчас же вторжению в Северную Корею, командование лысымановских войск, руководимое американскими военными советниками, еще задолго до начала военных действий превратило линию по 38-й параллели в линию фронта, плотно занятой войсками. Как об этом можно судить по сообщениям иностранной печати, позиции лысымановских войск, довольно сильные на переднем крае, не имели большой глубины. Так обычно бывает в тех случаях, когда войска готовятся не к оборонительным действиям, а к нанесению удара, не рассчитывая на сколько-нибудь значительное сопротивление противника и возможность контрудара с его стороны. Судя по высказываниям главы группы американских советников в Южной Кореи генерала Роберта, руководимые американцами лысымановские командования исходили именно из концепции «молниеносного» удара, по ложному на основе стратегических планов. В соответствии с этим лысымановцы вооружались, обучались и воспитывались американцами для агрессивных наступательных действий, а не для обороны.

Группировка лысымановских войск, сосредоточенных по 38-й параллели в пещерах, но плотных построениях, носила ярко выраженный наступательный характер. Такое сосредоточение и построение войск явно скопировано у гитлеровцев. В прошлом мировой войне они, как известно, наносили удар, вводили почти все наличные силы в первые шлоны, чтобы тем самым до предела увеличить их ударную мощь. Вообще следует заметить, что копирование тактики бывшей немецко-фашистской армии и ее методов ведения войны весьма типично для американских военных специалистов и их учеников, так же, как и свойственны им безмерная самоуверенность, тактический авантюризм, беспечность в средствах ведения войны.

«США очень хорошо помогли нам вооружить нашу армию. Теперь разгром Народной армии не является проблемой. За три дня наша армия сможет захватить Северную Корею», — заявлял в свое время министр национальной обороны Мариотто от правительства Южной Кореи. Позже он заявил, что его армия, как только будет дан приказ, за один день сможет взять Пхеньян.

Этот приказ был дан. Осуществляя стратегический план «молниеносного» удара, лысымановские армии ранним утром 25 июня начали широкое наступление по всему фронту — от Желтого моря до восточного побережья Корейского полуострова, введя в бой 8—10 дивизий.

Как видно из оперативных документов, попавших в руки войск Народной армии (об этих документах уже сообщалось в печати), планы лысымановского командования были далеко идущими. Они предусматривали нанесение удара левым крылом фронта, то есть первой армией. Эта армия имела задачу, развивая стремительное наступление из района Кайсен—Ондин в направлении Пхеньяна, быстро овладеть временной столицей Кореи — народно-демократической республикой. 2-я лысымановская армия в восточной части полуострова, составлявшая правое крыло фронта, по этому плану должна была наступать в общем направлении на север, имея в виду выход в глубокие районы страны, чтобы затем, соединившись с частями 1-й армии, окружить и уничтожить захваченные войска Народной армии.

Известны те преимущества, которые приобретает агрессор при внезапном нападении. И вовсе не «вина» армия лысымановцев в том, что она потеряла поражение в своей авантуре. Значение фактора агрессивной внезапности, как и всех вытекающих из него последствий, нельзя сбрасывать со счета. Но есть мощное средство противодействия фактору внезапности — это бдительность, это высокое моральное состояние армии, защищающей свободу и независимость родины.

Свободолюбивые народы бительно следят за провокациями агрессора и, как мы видим, своевременно лают им отпор. Подготовка лысымановского «правительства», вдохновленного и руководимого американцами, к нападению на Северную Корею не могла остаться незамеченной.

И если теперь капиталистическая пресса по указке ее американских хозяев пытается в ложном свете истолковать бдительность, готовность Народной армии к отражению нападения и нанесению ответного удара, то у всякого беспристрастного наблюдателя, мало-мальски разбирающегося в вопросах тактики, это может вызвать только улыбку. Тем более очевидно абсурдность попытки империалистической прессы объяснить поражение лысымановских войск в сражении у 38-й параллели... неподготовленностью их к нападению.

Что произошло у 38-й параллели ранним утром 25 июня? Лысымановские войска после короткой артиллерийской подготовки (очевидно, в целях достижения внезапности) вышли со своих исходных позиций и устремились на север, нанося удары в намеченных направлениях. Ближайшими объектами наступления, судя по ходу операций, являлись расположенные к северу от 38-й параллели крупные населенные пункты на узлах дорог: в западной части — Чонжу, Кымчон (в полосе наступления 1-й лысымановской армии), в восточной части — Чорон, Янчечен, Ингу, Ян, что на восточном побережье.

Лысымановские части сразу же натолкнулись на упорное сопротивление немногочисленных охранных отрядов Кореи народно-демократической республики. Превосходящим силам нападающих удалось в ряде пунктов отсечь охранные отряды на север. Однако эти отряды сумели задержать противника на время, необходимое для развертывания главных сил Народной армии и организации контрудара.

Разгромив боевые порядки продолжавших наступать лысымановцев, части Народной армии перешли в контратаку. Они лишили агрессора возможности закрепиться на достигнутой местности к северу от 38-й параллели. Контратака переросла затем в контрудар.

Контрудар, как видно, был нанесен в критический момент для наступающих лысымановских частей, когда они, оставив насыщенные исходные позиции и не достигнув ближайших целей (объектов наступления), как бы повисли в пространстве. Лысымановцы продолжали свои попытки продвигаться вперед, но понесли огромные потери, начали пятиться назад. Они хотели закрепиться на старых исходных позициях, однако не смогли. Подготовленные американскими инструкторами, лысымановцы оказались недостаточно искусными и стойкими в обороне.

Тогда в общих чертах картина боев у 38-й параллели, поскольку о них можно судить по сообщениям прессы с фронта. То, что здесь произошло, в какой-то мере — хотя в иных масштабах и иных условиях, — напоминает известное сражение времен второй мировой войны на Курской дуге, где мощная немецко-фашистская группировка, нанеся внезапный удар, в ходе дальнейших боев потерпела катастрофическое поражение.

Контр наступление Народной армии и преследование противника

Сведя на нет преимущества противника, вытекавшие из фактора внезапности нападения, Народная армия перешла в контр наступление по всему фронту. Судя по сообщениям корейской печати, оно развивалось в трех основных направлениях: одна колонна нанесла удар на Сеул и 28 июля освободила столицу республики; другая колонна, наступавшая из провинции Канге, прошла через провинцию Северный Чунчен и продолжала продвигаться в южном направлении; третья колонна наступала вдоль восточного побережья.

Особенно упорное сопротивление лысымановские войска оказали на подступах к Сеулу. Здесь части Народной армии разгромили три дивизии противника, а затем еще две дивизии в боях за Ичон (Чемупо). Кроме того, две вражеские дивизии были разгромлены на восточном побережье. Таким образом, к началу июля главные силы лысымановской маршнотной армии были уничтожены и, по признанию самих американцев, перестали существовать как реальная боевая сила. Американцы вынуждены были также признать и то, что лысымановцы не нашли никакой поддержки со стороны широких слоев населения Южной Кореи, восторженно приветствовавших приход войск Народной армии.

Все это означало, что гражданская война в Корее, развязанная лысымановской кликой, близилась к своему завершению. Внутри самой Кореи не осталось сил, могущих противостоять Народной армии. Но такие силы пришли извне.

Если до этого лысымановская продажная клика и ее армия являлись для американских колонизаторов своего рода мажорановым прикрытием их грязных дел в Корее, то теперь маска была сорвана и перед всем миром предстают отвратительное, искаженное злобой лицо кровавого агрессора.

Американские империалисты начали в Корею открытую интервенцию. Они ввели в бой против корейского народа все свои наличные силы, имеющиеся на Дальнем Востоке. Быстро, с которой происходило развертывание американских вооруженных сил в Корею, убедительно свидетельствует о том, что оно было подготовлено и осуществлено по заранее разработанному плану, только, разумеется, не предусматривавшему столь быстрого краха лысымановской армии.

После освобождения Сеула действовавшие здесь части Народной армии прорвали оборону противника на р. Ханган, протекающей у самого города, и двинулись к Сувону, где в то время располагался американский штаб. В этом районе Народная армия вступила в бой с первыми наземными частями интервентов. Американский штаб с невиданной быстротой бежал из Суфона в Тэчжон, в районе которого сосредоточивалась 24-я американская дивизия. Как сообщали иностранные корреспонденты, части этой дивизии вошли в Тэчжон под звуки фанфар, а ланка, парившая здесь среди лысымановцев в первые дни, сменялась атмосферой надежды. В этот же день на вокзале в Сувоне было расстреляно 100 корейцев. Американский генерал Чарч заявил, что его армия после нынешней эвакуации (т. е. бегства из Суфона) больше отступать не будет. 24-я дивизия получила приказ продвигаться на север и встретить приближающиеся северокорейские войска, а американским военным чиновникам было велено возвратиться в Сувон, который они оставили «в спешке и по ошибке».

Однако 24-й американской дивизии не удалось нанести удара на север, она вынуждена была перейти к обороне на реке Кымган, к северу от Тэчжона, где и подверглась полному разгрому.

Освободив Тэчжон, действующее здесь части Народной армии продолжали развивать наступление на юг и юго-восток. В двадцатых числах июля, очистив от противника юго-восточный район Корейского полуострова, части Народной армии резко повернули на восток и продолжили наступать вдоль южного побережья. Здесь были последовательно освобождены пункты Суичон, Хатон, Чинчжон. Над Пусаном (Фузном) — самой крупной морской базой, оставшейся в руках американцев и являющейся центром развертывания их войск, перебрасываемых из Японии и США, нависла непосредственная угроза.

Стремясь приостановить наступление частей Народной армии в районе южного побережья, американское командование бросило сюда значительные силы. 7 августа американский корреспондент сообщил о большом наступлении на Чинчжу частей 25-й американской дивизии и бригады морской пехоты, поддерживаемых танками и авиацией. По утверждению корреспондента, американцы «полностью разгромили» своего противника, и он обратился в бегство, бросив все свое вооружение. А потом оказалось, что «разгромленные» части Народной армии перешли в наступление и отбросили американцев за их исходные позиции, в направлении Масае. В этом районе происходит бой и в настоящее время. Отбивая непрекращающиеся ожесточенные контратаки американских войск, получающих все новые пополнения, части Народной армии продолжают вести наступательные бои, отбрасывая противника дальше на восток.

Далее на север линия фронта идет примерно по реке Нактонган, сформированной в ряде пунктов частями Народной армии.

Рассмотрим теперь кратко, как развивались события на центральном участке, в полосе дороги, идущей из Тэчжона на Тагу. После оставления Тэчжона американцы ввели в бой на этом направлении части двух новых дивизий — 1-й кавалерийской (механизированной) и 25-й пехотной, которая позже была переброшена на южное побережье. С помощью этих сил и «среагировавших» остатков лысымановских дивизий американское командование пыталось стабилизировать фронт и начать наступление на север. В последних числах июля в районе Ендона и Кымчюна, расположенного на полпути между Тэчжонем и Тагу, произошло крупное сражение. Оно закончилось поражением американской группировки, отступившей на подготовленные позиции на реке Нактонган. Бой переместился непосредственно в район Тагу — важного опорного пункта на подступах к Пусану. Отсюда линия фронта, делающая излом, поворачивает на восток к Пхохану (на восточном побережье). Здесь, отражая яростные контратаки противника, части Народной армии, составляющие ее левое крыло, продолжают наступать с севера на юг.

Так образовался Тагунский треугольник, ставший ареной ожесточенных боев между войсками Народной армии и американскими интервентами, захваченных в угол. Американцы сосредоточили в этом районе до 5—6 полных дивизий и огромное количество военной техники. Они прилагают отчаянные усилия к удержанию пусанского плацдарма, пытаясь перейти отсюда в наступление. Но инициатива попрежнему остается в руках войск Народной армии, которая продолжает наносить удары по врагу, срывая все его планы. Бой принимает все более ожесточенный характер, и их решающее значение очевидно для всех.

Стремясь завоевать Корею, американские империалисты обрушились на эту небольшую страну всей мощью своей огромной военной машины. Техническое превосходство — на стороне интервентов. Но одно только оно не решает исхода битвы. Решающее значение имеет здесь моральный фактор. Американские интервенты с помощью своей техники подвергают Корею варварским бомбардировкам, обращают в пепел корейские города и села, но они не в силах подавить неудержимое стремление корейского народа к свободе и независимости. Нельзя победить народ, борющийся за свое освобождение с той решимостью, какую проявляют теперь корейцы в борьбе с американскими интервентами.

Вечер памяти Анри Барбюса

Вчера в Большом зале Московской Государственной консерватории состоялся вечер посвященный пятидесятилетнему со дню смерти выдающегося писателя Франца. «Гласница единного фронта трудящихся против империалистской войны и фашизма» Анри Барбюса. Вечер был организован Союзом советских писателей СССР и Всесоюзным обществом культурной связи с зарубежьем. Имя Анри Барбюса, мужественного борца за мир, верного друга страны Советов, неумолимого организатора антивоенного движения, священной для каждого советского человека. Об этом, выражая мысли всех собравшихся, говорил вступительное слово секретаря правления Союза советских писателей А. В. Софронов. Доклад о жизни и творчестве Анри Барбюса сделал профессор И. И. Анисимов. В заключение вечера состоялся большой концерт.

Китай на страже мира

«Дорогой председатель Мао Цзе-дун...» — такими теплыми, идущими от сердца словами начинали письма китайских трудящихся своему вождю, руководителю и другу. В них, в этих письмах, — радостный отчет о пройденном пути и достигнутых успехах. Мао Цзе-дун и мир — эти два слова, как путеводные звезды, для каждого китайского патриота: по ним он уверенно шагает к новой и светлой жизни, ибо, как сказал Мао Цзе-дун, «никто из империалистов не будет позволено снова вторгнуться на нашу территорию». Председатель центрального народного правительства Китая Мао Цзе-дун подписывает Стокгольмское Воззвание (второй снимок).

На натые провокации и угрозы американских поджигателей войны многомиллионный китайский народ отвечает самоотверженным трудом на благо мирного расцвета и независимости своей родины, борьбу за мир во всем мире.

Причудливой вязью неогривопись испещрены длинные полосы желтого, белого, красного и зеленого шелка, ежедневно поступающие в Китайский комитет защиты мира. Это — подлинный китайский народ под Стокгольмским Воззванием — его в Китае подписало почти 85 млн. человек. Белый голубь, этот символ мира, открывает китайский плакат с текстом Стокгольмского Воззвания (первый снимок).

Кто знает расположенную поблизости от Шанхая деревню Бузучай? Ее не увидишь на карте Китая, однако с некоторыми жителями деревни соседней деревни Бузучай за них или же, по старинному обычаю, ставили на бумаге отпечатки пальцев. Мир для бузучайцев — это столько таких бузучайцев в Китае! — залог силы и расцвета, независимости и единства родной страны. Вот почему старик-крестьянин, ставя свою подпись под Воззванием, просто и бесхитростно сказал: «Я первым в своей деревне сдам налог с летнего урожая для того, чтобы помочь Народно-освободительной армии освободить Тайвань».

сейчас с большим успехом проходит сбор подписей под Стокгольмским Воззванием (шестой снимок). «Наши подписи», — сказал прославленный боец Вань Вань, получивший пять правительственных наград, — являются предупреждением поджигателям войны». Бойцы роты, заслужившей за мужество и храбрость в боях почетное название «Стальной роты», подписав Воззвание, заявили: «Мы хотим сказать Трумэну и его банде: помните, как кончили Гитлер и Чан Кай-ши».

Со словом мир на своих знаменах родилась героическая армия китайского народа — мир Китаю, мир всем народам на земле! Ради этой священной и благородной цели за долгие годы много бесмертных подвигов совершили бойцы и командиры Народно-освободительной армии. Богатые уроки дал их ратный труд — от нелегких захватчиков и изгомидованных прислужников навеки освобождена дорога и горячо любимая родина. В частях и подразделениях армии

27 августа, в тихий и спокойный воскресный день, над китайской землей появились американские воздушные пираты. Нарушив границы Китайской народной республики, они проникли на китайскую территорию в районе реки Ялуцзян и совершили еще одну пошлую провокацию. На этот раз заокеанские гангстеры выдали не только опознавательные знаки, — всему миру известны теперь их разбойничьи повадки: средь бела дня распорашившие янки подвергли жестокому обстрелу города Цзянь, Линьцзян и Аньлун; здесь пролита кровь мирных людей и нанесен материальный ущерб... В то время как все честные человеческие сердца наполняются гневом и скорбью и голоса протеста против варварских бомбежек в Корею слышны во всех странах, американские агрессоры собственноручно вписали в длинный список своих преступлений еще одно кровавое злодеяние. Миллионы китайских патриотов единодушно присоединяются к телеграмме министра иностранных дел Китайской народной республики Чжоу Энь-лая государственному секретарю США, в которой вся ответственность за последствия нарушения суверенитета Китая и убийство китайских граждан американскими вооруженными силами возлагается на правительство Соединенных Штатов. Неустанная борьба за дело мира, защита независимости и укрепление безопасности родной Китайской народной республики, новые миллионы подписей под Стокгольмским Воззванием — таков ответ китайского народа зарвавшимся факейшским агрессии.

В. И. Костылев

Умер писатель Валентин Иванович Костылев, автор любимого советскими читателями исторического романа-трилогии «Иван Грозный» и многих других широко известных книг.

В. И. Костылев родился в Москве в 1884 году и прошел суровую школу жизни, прежде чем взяться за перо писателя. Начав с 8-летнего возраста работать «мальчиком» в торговых фирмах купеческой Москвы, он служил рядовым солдатом в царской армии, затем работал на железной дороге; впоследствии много отдал времени и сил редакторской и газетной работе.

Первый рассказ В. И. Костылева «Мелкий случай» появился в печати в 1903 году. Но только при советской власти его талант развернулся в полной мере. Он сам писал — взволнованно, просто и искренне:

«Сталинские пятилетки с их творческим размахом, с их пламенной патриотической атмосферой труда сообщили мне, уже пятидесятилетнему человеку, неожиданную для меня энергию».

В течение восьми лет В. И. Костылев написал шесть крупных исторических художественных произведений, из которых самое значительное — трилогия «Иван Грозный» — было удостоено Сталинской премии второй степени. Этот роман представляет собою значительное явление в советской художественной литературе на темы из далекого прошлого нашей Родины. В грозные годы Великой Отечественной войны против фашизма В. И. Костылев

вступил в ряды ВКП(б). За долгие годы творческой работы на Волге, в Горьковской области, Валентин Иванович своей активной литературной и общественной деятельностью заслужил уважение и любовь трудящихся области, избравших его своим депутатом в Верховный Совет РСФСР. На этом высоком посту В. И. Костылев проявил себя достойным избранником и слугой своего родного народа.

Правительство высоко оценило творческую деятельность В. И. Костылева. Наряду с высокой наградой — Сталинской премией — Валентин Иванович был награжден орденом Трудовой Красной Звезды и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и «За оборону Москвы».

Советские писатели вместе со всеми читателями сохраняют светлую память о Валентине Ивановиче Костылеве — славленном советском писателе.

А. Фадеев, А. Сурков, К. Симонов, А. Софронов, Н. Тихонов, В. Вишневский, А. Твардовский, Б. Горбатов, Л. Леонов, Ф. Панферов, В. Кожевников, А. Каравеза, К. Федин, А. Перевецев, Л. Соболев, М. Шагиния, В. Гроссман, В. Ажаев, В. Герасимов, Л. Сейфуллина, А. Карцев, В. Ковалевский, П. Замойский, К. Воронков, П. Илдин, П. Сажин, М. Шестериков, Г. Федоров, Л. Курдреваты, В. Полторакский, Б. Рюриков, Г. Николаева, А. Елисеев, В. Фоменко, Л. Шапиро, А. Смердов, Н. Задорнов.

Правление Союза советских писателей СССР с присорбием извещает о последовавшей 29 августа смерти депутата Верховного Совета РСФСР, лауреата Сталинской премии, члена Союза советских писателей СССР товарища

КОСТЫЛЕВА
Валентина Ивановича
и выражает свое соболезнование семье покойного.

ОТ КОМИССИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПОХОРОН ДЕПУТАТА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР, ЛАУРЕАТА СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ, ЧЛЕНА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ КОСТЫЛЕВА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВИЧА.

Гроб с телом покойного будет установлен 31 августа с 12 часов дня в Центральном доме литераторов (ул. Воробьевский, 50).
Гражданская панихида — там же в 2 ч. дня, похороны на Ново-Девичьем кладбище в 4 ч. дня.

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. НОВИКОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора), П. ФЕДОСЕЕВ.